

ФИРНВЕН

Флейк цу флейк! — Крылом к крылу!
На монетке — детский профиль.
Пробил час или не пробил —
Не понять в таком дыму.

Снова треск очередей.
— Командор Корнелий, где вы?!
...Лишь бы, только бы успели,
Там — по лесу, не быстрой,

Может быть, пешком, зато —
Безопаснее и проще...
В темноте, ползком, на ощупь...
Оболочка — решето...

Мокро... Кровь? Или бензин?
В беспорядке даже мысли,
А секунды — как повисли...
...Это ты?... Но... Как, Альбин?..

Я ведь сам, своей рукой...
— Тише. Ты почти что понял...
...На монетке — детский профиль,
За пределами — покой...

Защити, Хранитель Итан,
Маленький трубоч! —
Грани зеркала разбиты...
Нет! Не смей! Не плачь!

Тайна не до дна раскрыта,
Уцелел кристалл!
...Защити, Хранитель Итан!
Я уже устал...

ИЗ ЦИКЛА «ГОСУДАРЬ»

Хэлкарансэ — это лед и тишина,
Страх конца и нескончаемость пути.
Хэлкарансэ — ужас сбывшегося сна.
Каждый шаг — как крик: иди. Иди. Иди.

Хэлкарансэ — боль помножена на честь.
Безнадежность и бессмысленность потерь.
Кто прошел — поймет: не рассказать. Не честь.
Хэлкарансэ — это хроника смертей.

А в небе Кринна опять драконы,
Как будто в легендах и песнях старых.
А бедную Тассу заперли дома,
И в утешенье — одна гитара.

Как будто я провинилась чем-то...
А впрочем, оставим глупые ссоры!
Давно уже отглажена лента,
А коли я кендер, то что мне запоры?

Да, странен мир порой и опасен,
Но мы любопытны и страха не знаем.
А новый путь — он хулаком красен.
А старых путей вообще не бывает!

БОРМОТУНЧОК

ЭТОТ НОМЕР ГОТОВИЛИ:

Антон Федоров (отв. редактор): 117526, Москва, Ленинский пр., 144/5, кв. 61; e-mail: hcab@gagarinclub.ru

Олег Логачев (верстка): 630005, Новосибирск, ул. Гоголя 21а, кв. 2; e-mail: duric@online.nsk.su

Юлия Налбандян: 344090, Ростов-на-Дону, ул. Зорге, 28/1, кв. 166; e-mail: nalb@math.rsu.ru

На 1-й странице - рис. **Владимира Савватеева** (Улан-Удэ) к рассказу Александра Зубченко «Игрушка»

ЖДЕМ ВАШИХ ПИСЕМ!

Если Ваше письмо (или его часть) носят личный характер и не предназначены для публикации — обязательно оговорите это.

ГОЛОС

2 (14)
2001

Авторы этого номера:

Михаил Веретенников
413000, Саратовская обл., Эгельс,
ул.Берег Волги, 2, кв.28
misha@princ.saratov.ru

Светлана Верхоланцева
614094, Пермь, Стахановская, 3,
кв.44

Наталья Граф
656031, Барнаул, ул.Крупской, 141,
ком.519

Людмила Джурко
656031, Барнаул, ул.Крупской, 141,
ком.519

Яна Знаменская
Адрес в редакции

Александр Зубченко
Адрес в редакции

Зинаида Коннан
199053, Санкт-Петербург, 53-е отде-
ление связи, до востребования. Ко-
зулина Нина Александровна

Николай Рубан
nruban@mail.ru

Александр Соколов
456910, Челябинская обл., г.Сатка,
ул.Пролетарская, 57, кв.52

Вадим Филиппов
philiprov@inbox.ru

Оксана Щербина
153534, Ивановская обл., Иванов-
ский р-н, пос.Михалево, 20, кв.36

Фирнвен
для Фирнвен пишите Ю.Налбандян,
344090, Ростов-на-Дону, Зорге, 28/1,
кв.166, nalb@math.rsu.ru

ГОЛОС

проза

Николай Рубан	
НИЧЕГО ЛИЧНОГО	3
СОЧИНЕНИЕ	15
Вадим Филиппов	
СУРРОГАТ	19
Александр Соколов	
ВЕДЬМА	22
Александр Зубченко	
ИГРУШКА	23

стихи

Оксана Щербина	18
Светлана Верхоланцева	18
Яна Знаменская	20
Зинаида Коннан	21
Михаил Веретенников	28
Людмила Джурко	30
Наталья Граф	31
Фирнвен	32

НАТАЛИЯ ГРАФ

ИГРА

Моя жизнь, как мозаика,
Что не может сложиться
В цветную картинку.
Ведь цвета мои — серый и черный,
И нет им места в радужном
Жизненном спектре.

КАРТИНКИ

Нарисуйте мне радость жизни.
На картинке играют дети,
А в глазах их сверкают искры
Злобы, ярости, стали, мести.
А в руках их (всего лишь игрушка)
Автомат. Они любят войны.
Нарисуйте мне радость жизни,
Если сможете — буду спокойна.

Нарисуйте мне преданность чувства
Так, чтоб в чувство я смогла верить.
На листе лишь сомненье и скука,
Что идут рука об руку с Верой
И Любовь несут как слепую,
А за ними уходит Надежда...
Нарисуйте мне преданность чувства,
Если сможете, такой же, как прежде.

Нарисуйте мне страх перед смертью.
Снова лист. Почему-то чистый.
Нет ее. Вместо смерти — вечность,
Вечность — небо и свет лучистый.
Свет лучистый, яркий и теплый,
Он от солнца — к нему поднимаюсь...
Нарисуйте мне страх перед смертью,
Если сможете — я испугаюсь.

Запрыгали тени. Смотрю черно-серый фильм.
(Но сон, как обычно, не хочет вприпрыжку бежать.)
Жду снова Луну. Она тоже ко мне не спешит.
И ей на меня глубоко-глубоко наплевать.

Доверие... Вера... Поверить... Как это смешно.
Слабею от злости или от слабости злюсь
На то, что утрачено мною веры зерно —
Молюсь, но не верю. Не верю, молчу и боюсь.

Боюсь не огня, он нестрашен; он друг мой и брат.
Не тьмы, она просто долгая-долгая ночь.
ЕГО я боюсь — слишком светел, беззлобен и свят...
И страшно. А вдруг ОН захочет мне чем-то помочь.

ВЕРА

Если скажут "не верю" —
Пропадают все мысли.
Если скажут "не верю" —
То рвется струна.
Ну а хочешь лететь —
Обрываются крылья...
Даже ангел в неверии
Ломает крыла.

Ты никому не доверял, боясь обмана,
Не верил преданности, дружбе и любви.
Ты не скулил, зализывая раны,
А уходя в себя, в потемках разума бродил.

Безумны люди или ты безумен,
В чем жизни смысл? Быть или не быть?
Ты, не жалея, сам ломал все судьбы...
Обломки их лавине времени не смыть.

Общения с людьми тебе не нужно.
В холодной стали преданность нашел...
О, Гамлет, ты доверился оружию,
Ты верил в честь его... Увы... Опять прокол...

Ты заходи,
Плевать на разгром,
Я ведь один —
Потолкуем вдвоём.

Стол захламлен,
Потом приберусь.
Нет, не влюблен,
Черт с ним. Обойдусь.

Не стой на пороге,
Давай, проходи.
И чаю с дороги —
А то всё один...

8.04.97

КРИК ДУШИ ВОЖАТОГО ПОСЛЕ ОРГ. ПЕРИОДА В ЛАГЕРЕ «ВОСХОД»

Утро. Солнце. Дом. Кровать.
Как не хочется вставать!
Надо. Встал. Умыт. Обут.
Еду в лагерь. Дети ждут.

Крытый рынок. Мой трамвай.
Эй, полегче, не пихай!
Еду. Долго. Остановка.
Выхожу. Гора. И тропка.

Лезу вверх. Ворота. Вход.
Здравствуй лагерь мой «Восход».

ЛЮДМИЛА ДЖУРКО

Опять отправляюсь в ежедневный круиз
по Внешнему морю,

Среди сотен и тысяч архипелагов-людей.
Кто-то из них бредит о ясных лазоревых зорях,
Кто-то хранитель судеб, кто-то друг, кто-то злодей.
Здесь натыкаешься на взгляды — подводные рифы.
Или садишься на мели — злые слова.
Слышишь о дальних краях чудесные мифы.
Но есть ли на эти походы у кого-то права?
Вдруг натолкнешься на Личность — громадину
айсберг.
Или пустой человек попадетса — остров-атолл.

Захожу. Шагаю прямо.
Поворот. И дети. Мама!!!

Снова утро. Третий день.
От меня осталась тень.
Сердце. Печень. Голос!!! — Боже,
Ну куда он делся всё же?..

Был! Ведь был! А может не был?..
Где я? Кто я? Только небо.
Дети. Крики. Тучи. Дождь.
Ни черта не разберёшь...

17.07.97

Всё не так и всё не то —
Жизнь бежит не устая,
Впереди — неясно что.
Улетела птичья стая.

Холод, солнце — снега нет,
Лист последний замерзает.
И едва заметный след
Оставляют дни, сбегаю.

Всё не так и всё не то —
Жизнь бежит не устая,
Снял осеннее пальто —
Завтра шубу надеваю...

22-23.11.97

Или группка друзей — радуга, пестрые краски...
Я же — фрегата модель, поставленная на стол...

Я оставляю свой след на страницах жизни твоей,
Я оставляю хоть строчку, пусть слово, хоть слог,
Пусть тире, запятую, хоть между словами пробел,
А быть может, мне повезет, стану точкой — жизни итог.
Но не так пролететь, словно птица ночная, у лиц,
Не звездой сгореть, не оставив потом и следа,
И не мимо пройти, с тобой проведя суперблиц,
Не остаться прозрачною, хрупкой, как будто слюда.

НИКОЛАЙ РУБАН НИЧЕГО ЛИЧНОГО

Сиреневое небо с призрачной полупрозрачной лунной долькой целоко держало утреннюю тишину. Эту тишину не осмелился нарушить даже ранний ветер, слетевший с ледяных горных хребтов на старое кладбище. Только неслышно вздохнул, потрепал выгоревшие ленточки на гибких прутьях над могилами правоверных и полетел дальше, к жарким барханам пустыни Регистан, на прощанье лизнув своим ледяным языком стриженный затылок Джамала.

Джамал вздрогнул во сне и попытался натянуть на голову край старой шерстяной накидки, в которую он кутался всю ночь. Теперь обнажились пятки — чёрные и исцарапанные, как автопокрышки. О Аллаха, ну почему ты посылаешь людям такой нестерпимый холод в минуты самого сладкого сна? Может быть, для того, чтобы правоверные не проспали утренний намаз? Так у тебя для этого есть муздины... И, словно в подтверждение сонным мыслям мальчишки, поплыл в зябком утреннем небе протяжный тоскливый крик с минарета, отталкиваясь от выбеленных солнцем дувалов¹ и угасая в пыльной зелени садов:

— Аллаху акбар! Ашхаду ан ля иляха илля Ллаху! Аллах велик! Свидетельствую, что нет бога, кроме Аллаха! Свидетельствую, что Мухаммед — пророк Аллаха! Спешите на молитву! Ищите спасения! Молитва лучше сна! Аллах велик! Нет бога, кроме Аллаха!

Глухо закашлялся в доме старый Абдулла. Слышно было, как он кряхтит, поднимаясь с топчана, и что-то сердито бормочет. Надо вставать — иначе старик без лишних слов больно ткнёт в бок своей суковатой клюкой — твёрдой, как копыто шайтана. Джамал вскочил и крепко потёр озябшие плечи, поднимая босые пятки — ошившая за ночь твёрдая лёссовая глина обжигала холодом. Ладно, намаз — это недолго...

— Опять на улице спал? — слышим спросонья голосом проворчал старик, — Почему в дом не идёшь?

— Э-э... — Джамал сделал рукой неопределённый жест.

— Мышей всё боишься? — старик расстирал молитвенный коврик, на Джамала не глядел.

— Не боюсь... Не люблю, когда они по голове бегают, — хмуро буркнул Джамал, присев на корточки рядом со стариком, — Шайтаны...

Джамал живёт на кладбище. Старый кладбищенский сторож Абдулла, который приходится ему каким-то дальним родственником, приютил мальчишку год назад, когда у того умерли от тифа родители и две младшие сестрёнки. Приютил — это дал крышу над головой. А что поесть, да что надеть — это думай сам, откуда у старика лишний грош... Таких пацанов в Афганистане — тысячи и тысячи. Джамалу тринадцать лет, он тонкий и гибкий, как молодой камыш и шустрый, как чёрный пустынный жук. Лобастый, черноглазый, готовый в любую минуту растянуть в улыбке пухлые обветренные губы и сверкнуть крепкими сахарными зубами.

Он вполголоса вместе со стариком бормотал суры Корана, и отстранённо думал о том, что залезть в сад к губернатору уже, скорее всего, не придётся: вчера тот привёз из Набула какую-то необыкновенно огромную лохматую собаку и теперь та будет жить в саду. Хромой Камал клялся, что видел своими глазами, как этот зверь одним ударом лапы свернул голову мартышке Маймуне, когда та попробовала было познакомиться с новым соседом.

К дальнему краю кладбища медленно подъехала машина — полугрузовой «датсун». Остановилась и сразу же накренилась набок. Сзади, из-под самодельного брезентового тента, тупым набалдашником торчал компенсатор крупнокалиберного пулемёта. «Дашака»², — тут же отметил Джамал, — «Совсем моджахеды обнаглели — уже утро, а они у самого города крутятся. Сейчас вертолётёты прилетят — с пылью мешают...»

Джамал быстро оглянулся. Надо старика уводить — если начнётся, так всем достанется, лётчику сверху не видно, моджахед ты или мирный, лупит по всем, кто убегает. Из-под брезента тем временем высочили несколько парней. В чалмах и пакистанских зелёных куртках, вооружённые. Точно, моджахеды. Джамал собрался уже было дать тягу и деда с собой уводить, но что-то его остановило. Крадучись, он подобрался поближе, присел за могильным камнем и присмотрелся к парням — что-то не то... Все смуглые, темноволосые, но ни одного бородатого. Оружие — короткие десантные «калашниковы», и ни одного «бура»³, только у одного — тонкая снайперская винтовка с дикивинным дырявым

прикладом. Чалмы намотаны неумело, а у одного на голове просто тубетейка, какие носят узбеки. Узбеков много на севере, а здесь их почти нет...

Парни обступили машину, озабоченно крутили головами, тыкали пальцами в пробитое колесо и дырявый брезент. Кажется, ругались — отсюда не было слышно. А потом один из них сплунул, махнул рукой, отошёл в сторону, понокался в широких белых штанах и, расставив пошире ноги, стал безмятежно справлять малую нужду. Стоя!!⁴ Джамал вытаращил глаза и тут же тихо рассмеялся. Шурави!⁵ Как сразу не догадался?

Он встал, поддёрнул коротковатые штаны и с опасной (но ещё больше — со жгучим любопытством) пошёл к машине. Парни быстро обернулись, повели стволами в сторону Джамала. Тот остановился, легко взмахнул руками: оружия нет, мирный.

— Инджа био! — махнул рукой тот, в тубетейке, — кие биакна, бола...⁶

Прижимая к уху чёрную лепёшку наушника, из кабины выглянул ещё один парень в чалме. Вгляделся в Джамала, приветственно кивнул:

— Салам алейкум, бача! Хуб асти?⁷

Губы Джамала сами растянулись в улыбку. Этого парня он знал — лейтенант Саша, шурави командос. Хороший парень: с мальчишками дружит, не жадный, свободно говорит на фарси и пушту. А это — его сарбозы⁸, значит...

— Салам алейкум, Саша, — Джамал с подчёркнуто независимым видом пожал протянутую руку, — Читур асти?⁹

— Э-э, кам-нам, — улыбнулся лейтенант, — Так себе. Ты что опять такой чумазый? Когда умываться научишься?

Джамал качнул круглой головой. Далось ему это умывание... Каждый раз перед намазом мусульманин должен вымыть лицо, руки и ноги, это закон. А если нет воды, он может сделать это, прикладывая ладони к земле: ведь земля — чистая стихия, и не может быть ничем осквернена. Перед утренним намазом Джамал так и поступал — что с того, что арык рядом? Вода-то в нём по утрам ого какая холодная...

— Хуб асти, — отмахнулся он, — Микроб нист...¹⁰

— Ага, — засмеялся лейтенант, — Молился три раза, чего, мол, ещё, да?

— Зачем три раза? Сегодня — один раз, потом — ещё...

— Да нет, эта книга есть такая... Там один бача вроде тебя тоже умываться не любил, и говорил, что молился

три раза — так чего ещё?

— У тебя эта книга есть?

— Есть, только не здесь, а в Союзе. Поеду в отпуск — привезу. А ты пока русский язык хорошо выучи, договорились?

— Я и так хорошо знаю! Командор, здорово! Что есть, что надо? Бакшиш¹¹ давай! Ничтяк!

— Молодец, молодец...

— А ещё вот знаю: «Дембель давай!» И ещё, — тут Джамал лихо выдал фразу, от которой шурави сарбозы неизменно приходили в восторг. И сейчас парни дружно заржали, а Саша вдруг нахмурился.

— Э, а вот это говорить не надо. Это нехорошие слова, понял? Ещё раз услышу — смотри... — он мягко потрепал Джамала за твердое «кирзовое» ухо, — Оторву и скажу, что так и было.

Лейтенант полез в кабину, вытаскивал белую картонную коробку с сухим пайком, с треском оторвал крышку (у Джамала сама собой вытянулась шея и сама собой слотнулась слюна).

— Так... Это свинина, тебе нельзя, — он сунул в карман маленькую плоскую банку, — Остальное — вроде можно. Рубай, как банки открывать, знаешь.

Богатство! Две банки с мясом, сгущенка, три маленькие, в пол-ладони, но такие вкусные шоколадки. Три пачки галет — твердых и сухих, как скорлупа орехов, но удивительно сытных. А ещё сахар, чай, пакет сухого супа. Который можно сварить в горячей воде...

— Ташакур¹², Саша, — счастливо сияя, Джамал тут же содрал бумажную обёртку с галетной пачки, — А зачем так оделся?

— А, в хэбэ¹³ жарко, — беспечно улыбнулся лейтенант, — так — хорошо, прохладно.

— Э, обманываешь! — хитро засмеялся Джамал, — Момат-хана ловил, я знаю!

Лицо лейтенанта немного поглупело. Солдаты переглянулись.

— Ну ни-и хре-на себе разведка... — наконец, протянул один. — А мы-то корячимся, маскарады устраиваем...

Джамал безмятежно разгрыз галету крепкими зубами.

— Слушай... А про Момат-хана ты что знаешь? — лейтенант спросил вроде бы небрежно, а сам, словно струна, натянулся.

— Э, что Момат-хан? — пожал Джамал плечами, — Вчера на кладбище приходил, молился. Потом ушёл.

— Когда приходил?! — лейтенант сморщился, словно

Только рельсы тихонько поют.

Лишь вчера звонко пел —

Молодел месяц май —

А сегодня стареет июнь.

24.06.96

* * *

Первое августа — жёлтые листья —

Это не осень — это не снится,

Это не лето — Илья на подходе —

Первое августа — что-то уходит...

Первое августа — в общем, эпоха —

Это не осень — это не плохо,

Это не лето — жёлтые листья —

Первое августа — что же приснится?

1.08.96

И холодно, и жарко,

И солнце, и туман,

И хочется скитаться

С надеждой на обман,

И в кадрах киноплёнки

Застывшая река,

Застывший взгляд ребёнка,

Забывшая строка...

И город напыляет —

Разрушенный корабль,

И листья собирает

Разбуженный сентябрь.

На улице прохожий

Бредёт сивозь полумрак,

Что истина дороже

Орёт в тиши дурак.

Всё тихо замирает —

Ребёнок не шумит,

И лишь сентябрь листает

Затрёпаннный дневник...

И холодно, и жарко,

И солнце, и туман,

И хочется скитаться

С надеждой на обман,

10.08.96

В осеннем парке листопад

Закончился уже.

Берёзы стройные стоят,

Стесняясь неглиже.

Иду по жёлтому ковру

И слышу шелест дней,

Ты знаешь — я ведь не умру —

Я растворюсь в листе,

И буду с каждым октябрём

Здесь оседать шурша;

Ну что, любимая, пойдём,

Побродим не спеша,

В осеннем парке, где листва

Лежит в тени берёз,

Где незначительны слова,

Где смерть не видит слёз...

15.10.96

РИМСКИЕ КАНИКУЛЫ

Одри Хелберн

Ты уходишь, назад не смотря,

Ты принцесса — так надо, так надо.

Этот день — он ведь тоже не зря,

Этот день — он как будто награда...

И улыбка не сходит с лица,

Ты принцесса — без слёз и печали,

Ты стоишь на ступенях дворца —

Ты должна возвратиться к началу.

Ты должна позабыть этот день! —

Но ведь ты не забудешь до смерти

Римских улиц прохладную тень,

Пару снимков в газетном конверте.

Ты уходишь — закончен приём,

Ты принцесса — так надо, так надо,

Этот день — он как сказочный сон,

Этот день — он как будто награда.

16.03.97

МИХАИЛ ВЕРЕТЕННИКОВ

ХУДОЖНИК

Камилле Клодель

Мне строки стучатся в виски,
Ярко мерцают слова,
Но не родятся стихи —
Слишком болит голова...

Ты кто? Поэт и Художник? —
Закрты твои глаза,
Ты сна своего заложник —
Лишь только болит голова...

Спасение только в укрытье,
Лишь там, где забыта молва,
Где всё, что творится в столице
Всего лишь пустые слова.

И там твои руки воскреснут,
И станет подвластной скала,
Ты снова споёшь свою песню —
Плевать, что болит голова!
19.03.95

ПОЭТЫ

На почти одновременную смерть
Р.Желязны и Ю.Ковалы

Один за другим, один за другим
И вроде, такие несхожие,
Проходят поэты жизни круги
Слишком похожие, слишком похожие.

Не зная зачем, забыв почему,
Стремятся они к небосводу.
Уходят они — и быть посему —
Печальные листья ласкают воду...

Один за другим, один за другим
В небесные выси... Так рано...
Прекрасные строки оставив живым,
И боль, и рубцы, и шрамы...
29.08.95

ПРОЩАНИЕ С ЛЕТОМ

Август тает синей дымной —
Тридцать первое число.

Где же ты, моя Маринка,
И куда нас занесло?..

Что за странные мотивы? —
Завтра осень, дождь пойдёт.
Что ж Марина, ты как ива
Плачешь сутки напролёт?

Осень мчится, осень скачет,
Лето прогоняя прочь.
А Марина плачет, плачет —
День прошёл, настала ночь.

Весь растаял август славный,
Ночь прошла. Луна без звёзд.
И Маринка спит устало,
Видит сны, не помнит слёз...
31.08.95

СУМАСШЕДШИЙ ТРАМВАЙ

Сумасшедший трамвай
Вдаль уносит меня,
Я у форточки тихо стою.
Лишь вчера звонко пел —

Молодел месяц май —
А сегодня стареет июнь.

Сумасшедший трамвай
Огибает дома,
Я рукой им печально машу.
Здесь когда-то давно
Вы любили меня —
А сегодня я слишком спешу.

Сумасшедший трамвай —
Вдаль бегут города,
Я в окно что-то громко кричу.
Лишь вчера твёрдо знал —

В этом городе рай —
А сегодня я мимо лечу.

Сумасшедший трамвай —
Убегают года,

зуб заболел.

— Ночью вчера.

— Один?

— Зачем один? С ним ещё трое были. На двух мотоциклах приезжали.

— А ещё придёт, не знаешь?

— Не знаю, я дома сидел, в окно его видел. Потом один его человек в дом зашёл, у деда спросил, как в городе дела. Потом ушёл.

— Понятно... — лейтенант задумался, потом широко улыбнулся. — А что, Джамал, на афганцев мы похожи?

— Плохо похожи, — засмеялся Джамал, — Бороды нет, кроссовки носите... Писать правильно не умеете, — простодушно добавил он.

Лейтенант тоже засмеялся, стащил чалму и крепко почесал стриженный затылок.

— Это точно...

Вдали над пустыней медленно поднялись два серых пыльных хвоста.

— Твои едут? — посмотрел в их сторону Джамал.

— Мои... Вот, — лейтенант кивнул на простреленный «датсун», — потянут нас, как барана на верёвке.

— Это кто так? — Джамал осторожно провёл пальцем по пробоинам.

— Да они с нами не знакомились...

— Ты их победил? — Джамал руками и губами изобразил пулемётную стрельбу.

— Ага, «победил»... В засаду попали, еле ноги унесли, — невесело усмехнулся Саша. — Ну, вот и наши. Бывай здоров, Джамал. Увидимся ещё. Деду привет передавай...

Расталкивая широкими колёсами волны лёссовой пыли — такой сыпучей, что она почти расплёскивалась, словно вода, подкатили и развернулись два грузных бэтэзера. Шурави споро прицепили израненную машину тросом к переднему броневнику. За руль «датсуна» сел тот молодой узбек в тубетейке. Чтобы пыль не забивала глаза, надел самодельные очки, вырезанные из противогоза. Джамал знал: такие очки солдаты называют «Шурави Монтана». Остальные ловко вскочили на броню, свесили ноги в люки, помахали Джамалу руками. Бэтэзеры рыкнули, выплюнули клубы синего дыма, важно поползли в сторону пустыни, покачивая длинными антеннами.

Лейтенант сидел на броне, свесив ноги в кроссовках в открытый командирский люк, откинувшись спиной на

прохладную сталь пулёмётной башни. Солнце неторопливо вставало над серой пустыней, медленно наплывающей навстречу. Хорошо-то как, Боже ты мой... Давно, в детстве, слышал песню, которую пел детский хор то ли в фильме, то ли в мультине:

...Песня —

Ты, как счастье, не знаешь покоя,

А солдатское счастье простое —

После боя

Вновь рассвету в глаза заглянуть...

О чём та песня — уже и не вспомнить, а эти вот строчки сами собой всплывают каждый раз... Все пацаны целы, Котелка только зацепило маленько... А в засаду по-глупому влетели, конечно... Хотя как тут угадаешь — что глупо, что нет... Два поста прошли нормально, духи ничего не прорезали, это точно — иначе бы ещё раньше накрыли, сколько мест удобных было... Так... Возле развалин остановились сориентироваться. Музаффарову пожурчать приспичило — обычное дело, молодой ещё, тут как на прыжках... Ну, всё правильно — в этот момент нас и засветили. Ссал он стоя, как и всякий нормальный советский таджик. Ещё бы не засветили — вон, Джамал и тот сразу просёк. Хороший пацан этот Джамал... Сирота, с дедом живёт, а смышлёный какой... Учиться ему надо, вот что. Надо будет с ХАДовцами¹⁴ поговорить, пусть пацана определят... Будет сегодня письмо от Наташки?.. Эх, в отпуск бы... Нет, ну как он про Момат-хана-то, а? Откуда они всё знают, паразиты? Кто им информацию сливает? И сколько мы за этим Моматом ещё гоняться так будем...

— Товарищ лейтенант! — окликнули сзади. Он обернулся. Незадачливый Музаффаров протгивал ему на ладони маленькую противопехотную мину, — Это итальянская?

— Итальянка, «тээс полсотая». Где надыбал?

— Сапёры бакшишнули¹⁵. Да она пустая, они заряды вынули. А Махнамов говорит, это китайская. Марат, поспорил ты Сиси¹⁶ — крикнул он в люк, — Я говорил: итальянская, а ты спорил, тормоз. Не веришь — спроси...

Лейтенант повертел в ладони пластмассовый корпус мины. Аккуратная, даже изящная игрушка, напоминающая то ли черепашку, то ли колесо от детского грузовика. Гладкая, жёлто-коричневая, лёгкая без своей гремучей начинки. Итальянка... Сейчас в Союзе все от итальянской эстрады балдеют, кассеты заказывают с Челен-тано да со всякой «Феличитой»...

Бэтээр мягко покачивался, словно плыл по песчаному морю. Клонило в дрему после бессонной ночи, мысли ползли ленивые, отвлечённые. А какие они, настоящие итальянки? Такие как в кино, или страшненькие? Наверное, всякие — как и везде. Кто-то и эти самые мины собирает на заводе. Вот ведь что интересно — лично против нас они ничего не имеют, встретились бы — глядишь, и понравились бы друг другу... Просто работают девчонки, и всё. Выполнила норму, упаковала ящик — и забыла. По вечерам на дискотеки бегают, с парнями целуются. А продукция дальше пошла. На складе лежит, на пароходы грузится, по морю плывет, на верблюдов перегружается. И на пароходе капитан лично против нас ничего не имеет — дали ему груз перевезти, он и везёт. И он, наверное, мужик хороший — другим морякам на помощь придёт в шторм, во всех странах побывал... И всё равно как-то так получается, что вот не имеют люди ничего лично против нас, а вольно или невольно нашу смерть к нам ведут. Мины те же, зрэсы¹⁷, патроны... А сам? А чего — сам? Я свою работу делаю. Вот и они... Так что не на кого обижаться, никто никого не обманывал, всё честно. Выбрал эту игру — играй по этим правилам...

День был похож на боевой вертолёт в бреющем полёте. Шумный, трескучий, стремительно-хищный, непредсказуемый. С самого утра Джамал крутился в торговых рядах. Там выгрузить, тому отнести, с этим вместе покупателя звать... Не хочешь голодным спать ложиться, так знай, поворачивайся.

— Командор! Командор, сюда иди! — не щадя глотки, привлекал он внимание толстого усатого прапорщика, — Что надо? Вот джинсы хороши! Монтана!

— «Монтана»... — хмыкнул прапорщик, разглядывая товар, — «Кабул-подвал»¹⁸, небось...

— Зачем «Кабул-подвал»? «Монтана» настоящий! Русский девичка подарить — любить будет!

— X-хе! — развеселился прапорщик, — Любить будет, говоришь?

— Вай, как будет! — Джамал закатывал глаза, начал головой, цокал языком, изображал руками что-то совсем уж невероятное (и всё это одновременно). — Твоя за руку возмёт, по улице гулять будит, все смотри, говори: «Вай-вай, какой командор красивый идиёт! Какой с ним девичка красивый идиёт!»

— Н-ну, ты коммерс! — «Командор» был явно польщён, — И почём товар?

— За полторы тищи отдам, — почти шёпотом быстро

ответил Джамал, — Только в другой дукан не говори, что я так дешёво продал, они мне... — Джамал вцепился в собственное горло, вытаращил глаза, вывалил язык.

— Давай! — невольно поддался его заговорщическому тону прапорщик, доставая бумажник, — Чеками — один к двадцати?

— Да, да... — Джамал уже стремительно упаковывал пакистанские джинсы в фирменный пакет, — Ещё что надо? Плащесь кожаный, сервиз есть, дублёнка есть...

— Всё, бача — кончились капиталы. Потом ещё приду...

— Ташакур, командор! Давай, приходи — для тебя сами лючки всё будет! Сигарет приноси, сгущёнка приноси, Сиси приноси...

— А ты что же — сам и торгуешь? Хозяин?

— Мой — нет, Хафизулла-бобо хозяин. Мечеть пошёл, моя оставил.

— Доверяет, значит...

Летит день дальше: вернулся хозяин дукана, отослал Джамала к себе домой отнести покупки. Надо быстро отнести, отдать всё сварливой Зульфие-ханум, терпеливо дожидаться, пока она дотошно всё проверит и бежать обратно, чтобы дуканчик заплатил за работу. Заплатит он гроши, конечно, да уж ладно...

Так и кормится Джамал, по-воробыному: тут крошку склевал, там мышку поймал... И рядом с ним — стайка таких же полубеспризорников, среди которых он — признанный командир. Только свистни — стремительно слетятся, готовые понять всё с полуслова, сделать всё, что угодно (хоть машину с товаром разгрузить, хоть фары скрутить с той же машины), и так же стремительно брызнут в рассыпную — лови воробьёв...

Солнце уже начало неторопливо скатываться к закату, когда Джамал, собрав свою верную ватагу, направился за город, к большой свалке у восточной дороги. Жестяник Азиз накануне попросил его набрать там пустых жестяных банок, которые привозят туда вместе с мусором солдаты. Банки солдаты выбрасывают хорошие — большие, с пол-ведра, ярко блестящие на солнце. В некоторых на стенках остаются мазки темной кислой пасты из помидоров — «томат». Такие банки обожают вылизывать местные коровы, и ничем их не удержишь — тянет их на свалку, словно мух на сладкую дыню. Бывает, что сунет корова морду в банку, вылижет томат, а стряхнуть банку не может — мычит, головой мотает, а проклятая жестянка сидит, как влитая. А когда солнце печёт, как печка-тандыр, то и до беды недалеко — корова свихнуться может, а то и вообще помереть.

очищенный, а ты гурман), я разбил апельсиновым соком.

— На, выпей. Не бойся, — и он поднёс к моим губам высокий стакан с бледно-жёлтым коктейлем. Я попробовал сделать глоток, зубы барабанной дробью застучали по краю сосуда, капли жидкости полетели на рубашку, отчего та сразу же пожелтела — ткань подстраивалась под новые условия. Обожгло горло, я закашлялся.

— Глотни ещё.

Я, давясь, седлал ещё пару глотков и отвёл руку отца; он допил остатки.

— Проняло парня, бледный как поганка, — подал голос Арнис.

— Слушай, иди ты... приготовь что-нибудь поесть, — зло сказал отец. После этих слов меня вывернуло, я еле успел перегнуться через ручку кресла.

— Ничего, когда в первый раз, то почти со всеми такое случается. Привыкнет.

— Арнис, пошёл вон.

— Всё, всё, всё. Ухожу, ухожу, ухожу. Как вы относитесь к бекону с яйцами?

— Пошёл вон, болван! — крикнул отец и запустил в него стаканом. Раздался звон битого стекла.

— Я всегда тебе говорил, чтобы ты научился контролировать эмоции и... — дверь хлопнула, и раздался громкий смех. Я откинулся на спинку, всё ещё поташнивало, но было легче, видимо, часть алкоголя успела рассосаться, в голове появилась приятная лёгкость.

— Ты не обращай внимания на Арниса, он считает, что лучше сразу сделать больно, зато потом будет легче. Хирург хренов.

— Папа. Так ты всё время этим занимаешься? Это твоя работа?

— М-м-да. Прямо скажем, неблагодарная, даже свинская. Если операция заканчивается удачно, без жертв, то это одно, а если гибнут люди, то... Нам с Арнисом немного осталось. На этой работе обычно больше десяти лет не держат, отправляют на пенсию. Сердце ведь одно. Многие уходят, не дождавись окончания контракта. Но кто-то должен принимать на себя неблагодарную роль «вершителя судеб» ради «всего человечества»? Ведь должен, сын? — Он прижал меня к себе. Я понял, как же тяжело ему живётся. Хотелось кричать, чтобы он уходил с этой работы, раз она такая... Но вместо этого тихо сказал:

— Ну почему же неблагодарная? Вон какие поздравления Президент шлёт.

— Раз начал шутить, то всё в порядке, только всё ещё

дрожишь, и сердечко колотится.

— Я не шучу.

— Сын, не становись раньше времени циником. И ещё. Никогда не считай себя выше других. Власть — это ещё и ответственность, а если ты нормальный человек, то это может стать твоей могилой. Правда, у каждого своя судьба, мы лишь отклоняемся туда-сюда, но вектор определён. То, что случилось, то уже случилось и было предопределено. Центральная машина блокировала возможность отклонения «Умника», посчитав, что ход мыслей оператора наиболее оптимален, а наше начальство не дало вмешаться нам с Арнисом. Одно меня беспокоит — ты теперь на заметке и, скорее всего, тебя ждёт судьба подобная моей, но тут уж как получится.

— А если я не захочу?

В ответ отец лишь неопределённо пожал плечами.

— Очухался? Пойдём. Арнис наверняка уже приготовил. Не мешает подкрепиться.

Я прислушался к себе. Воспоминание о беконе не вызвало тошноты, неужели я становлюсь циником?

— Пойдём. Только бекон я не хочу.

Отец расхохотался:

— Не волнуйся, он шутил. Арнис прекрасный знаток продуктов и приготовил что-нибудь такое, от чего тошнить не будет, что-то, а в этом он мастер, — отец взял меня за плечи, мягко вынул из кресла, встряхнул, прижал к себе и шёпотом сказал: — Только давай договоримся, нашим женщинам ни слова. Мы сегодня улетаем в горы, а их привезут к нам через пару дней. Нам ведь надо побыть вдвоём и поговорить, о многом поговорить.

У меня опять потекли слёзы, которые почему-то казались горячими.

— А Арнис, он ведь твой напарник?

— Если не возражаешь, он полетит с нами. Он не будет мешать, когда надо, он умеет быть деликатным.

— Я не против.

— Ну, пойдём. Я чувствую запах сваренного кофе, хотя, конечно, кофе детям вреден, но сегодня можно.

— Алкоголь тоже вреден.

— В малых дозах нет. Главное чувствовать черту, чтобы не спиться.

— Эй! Вы идёте? Или я начинаю один, — возник в двери Арнис, интенсивно работающий нижней челюстью.

— Идём. Арнис, позвони, пожалуйста, диспетчеру и скажи, что мы через два часа вылетаем. Мы отправляемся в горы, и я думаю, ты к нам присоединишься. Мне и Алику надо о многом поговорить. Слишком долго я молчал... Слишком...

будем трясти.

— Сколько говоришь на борту человек?

— 233.

— Минутная готовность к атаке.

— Команда принята и передана перехватчикам. Минутная готовность пошла, — и вверх экрана начался обратный отсчёт, цифры были ярко-алыми на голубом фоне. Я залпом допил молоко, уже не чувствуя вкуса.

— Дай визуальный обзор со спутника.

— Выполняю.

Когда на экране появился лайнер, парящий над водой, на мониторе высветилось сообщение о старте ракет и время до цели.

— На Вас выходят с борта лайнера.

— Соедини...

— Ну что, решили что-нибудь? А то нам надоело здесь болтаться.

— Да! — хриплым голосом ответил я. — Всё решено. Игра сделана! Вы все встретитесь в аду.

— Ах ты, сволочь... Тебе что, не жалко людей?

— Жалко, но лучше потерять столько, чем... — я не успел договорить. Начал пикать динамик компа — до встречи ракет с лайнером осталось 10, 9, 8...

* * *

Я сидел, откинувшись на спинку кресла, почему-то отчаянно хотелось курить. Как-то пару раз я пробовал, кроме головокружения, никаких хороших впечатлений не испытал, но хотелось именно этого. Чёрт. Ну и игрушка.

Экран был чёрен, лишь несколько строк сверху сообщали: «Операция успешно завершена. Все материалы засекречены. В СМИ дана информация о случайной катастрофе над океаном. Подготовлено соболезнование всем близким погибших от имени Правительства».

— Ладно, хозяин не расстраивайтесь, — вдруг заговорил комп. — Вам тут очередное послание от самого Президента.

— Что значит очередное?

На экране появился текст, написанный витиеватым готическим шрифтом. Я заставил себя приподняться и прочитать его:

«ПРЕЗИДЕНТ выражает Вам свою благодарность. Он понимает, какой груз ответственности лежит на Вас. Такие люди всегда нужны. К сожалению, они живут в безвестности, и все их награды так и остаются в архиве Комитета.

Вы, как всегда, блестяще выполнили свою работу!

Да простит всех нас Бог за ту жестокость, к которой приходится прибегать ради всеобщего блага!»

Далее, более мелким шрифтом, был набран следующий текст:

«На Ваш счёт переведены деньги, оговоренные контрактом. Вам предоставляется 4-дневный отпуск. Место по Вашему выбору. Самолёт Комитета будет готов к вылету через три часа. Связь с центром по схеме №4».

Меня стало мутить, как от сигарет. В голове переплелись мысли: «4-дневный отпуск... Премия... Груз ответственности... Да простит нас Бог... Бог нас простит...»

* * *

Очнулся я оттого, что меня мягко, но настойчиво хлопывали по щекам. В глазах расплывались круги, голова, казалось, еле держится на шее, в ушах шумело, будто бы к ним приложили большие рапаны. Никогда не получалось понять, кто же передо мной стоит. Вдруг резко всё прояснилось, как будто кто-то подкрутил резкость на экране; передо мной стоял отец.

— Ну же... Ну же, Алик, очнись. Всё хорошо.

— Па-па-па.

— Ну, слава Богу! — горячим шёпотом выдохнул он, и кому-то, громче: — Арнис, иди сюда. Не надо нашатыря, он очнулся.

— Что это было?

— Ты помнишь, что ты делал? — вдруг закричал отец. — Ты понимаешь, что ты сделал?

— Это был не сон... — скорее себе, чем отцу, шёпотом произнёс я и беззвучно заплакал. — Папа, так это была не игрушка... Я убил столько людей... Я... я...

Он молча опустил на стул рядом и стал внимательно смотреть на меня. Послышались приближающиеся шаги, дверь в кабинет отворилась и кто-то вошёл. Отец поднял голову, утвердительно кивнул, и шаги удалились прочь. Сквозь слёзы мне казалось, что вокруг отцовской головы покачивался разноцветный нимб. «Да простит нас Бог... Простит...»

— Папа, прости меня! Прости! — закричал я. Меня начала бить истерика. Отец бросился ко мне, схватил и прижал к груди.

— Алик! Алик, сынок, успокойся! Всё хорошо! Ты сделал всё правильно! Тебе не в чем себя винить, ты выполнил работу за меня. Это ты меня прости. Арнис, принеси выпить. Да давай же быстрее.

Быстрыми шагами в комнату вошёл тот, кого звали Арнисом, и неожиданно мягким голосом произнёс:

— Водки не нашёл, только шотландский виски (о,

Поголосит-поголосит хозяин, да делать нечего: Аллах дал, Аллах взял...»

Так было и сейчас. Подходя к свалке, мальчишки издали услышали отчаянные причитания и увидели тощего жилистого хозяина мясной лавки Искандера, стоящего на коленях перед чёрной коровой, мирно лежащей на боку. Искандер мерно раскачивался из стороны в сторону и искренне горевал по поводу безвременной кончины своей любимицы — такой хорошей, такой умной, которую он собирался резать завтра утром, а теперь с неё даже шкуры не снять...

Когда к нему подошел Джамал и, наскоро посочувствовав горю, предложил ему продать эту корову, дукащик подумал, что нахальный мальчишка издевается над ним. Однако тот смотрел вполне серьёзно и готов был заплатить сейчас же. Цену предложил, конечно, копеечную, но всё-таки... За дохлую корову...

— А зачем она тебе? — вдруг насторожился Искандер, — Продать мясо хочешь?! Это грех! Нельзя!

— Не бойтесь, дядя Искандер, — успокоил его Джамал, — Ничего продавать не буду, ни мясо, ни шкуру. Я её отсюда вообще никуда не унесу.

— Тогда зачем? — вот чувствовал, нутром чувствовал жадный лавочник, что теряет выгоду, только никак не мог понять — какую?

— Э, моё дело, — Джамал был деловит и настойчив, — Мои деньги — ваш товар. Продаёте? — Он достал из кармана мятые афгани и выжидательно глянул на дукащика. Вид денег решил исход дела.

— Э, ладно, давай. Только триста афгани — это мало, дорогой! Добавь ещё столько! — отчаянно заторговался лавочник, — Такая хорошая корова была! Я её телёнком за три тысячи афгани купил. Она в день два ведра молока давала!

— Дядя Искандер, зачем мне говорите? — хладнокровно отбрил маленький наглец, — Идите в город, там скажите: «А вот кому хорошую корову за шестьсот афгани? Совсем хорошая корова, два ведра молока давала, только немножечко сдохла»... Ладно, ладно, — успокоил он всплывшего торговца, — Вот ещё пятьдесят, и хватит. Продаёте? Да-да, нет-нет, я тогда банки собирать пойду...

— Вай, шайтан бача... Ладно, давай деньги, — дукащик спрятал деньги в карман и — не вытерпел:

— Слушай, Джамал, ну скажи: зачем она тебе? — Искандер просто изводился от лобопытства, — Ну, скажи честно, я тебе потом печёнки дам...

— Джамал поколебался. Всё равно ведь не отстанет,

жадога... А дело не ждёт.

— Никому не скажете?

— Нет, нет!

— Тогда тут посидите, и ничего не делайте, смотрите просто. Я ещё сам не знаю, получится, или нет... Эй, ребята, идите сюда!

Озадаченный дукащик только хлопал глазами, глядя, как мальчишки споро поволокли несчастную корову к дороге. И ничего не понимал.

Бывает так, что крутится-крутится мысль возле тебя, словно муха — и покоя не даёт, и не поймаешь её. Но сойдутся, наконец, несколько вещей вместе в одно время — хлоп! И мысль сама тебе в голову скакнула. Так и в этот раз. Увидел Джамал дохлую корову, увидел дорогу, проезжающий по ней пёстрый грузовик-барбухайку, увешанный блестящими побрянушками и водителя индуса за рулём, что-то в памяти всплыло... Хлоп! Мгновенно родился в смысленной голове хитроумный план (который Саша-коммандос назвал бы иезуитским). И ради этого плана не пожалел Джамал своего двухдневного заработка. Скоро корова нахально лежала поперёк узкой дороги, а мальчишки со скучающим видом (а на самом деле сгорая от азарта и нетерпения) сидели неподалёку от обочины.

* * *

У водителя Шаши было отличное настроение. Позади трудный рейс из Пакистана, куда он ездил вместе с хозяином, торговцем тканями Раджу. Позади горные серпантины, на которых старенький «мерседес» еле удерживался лысыми покрывками за щербатый асфальт. Позади жаркая пустыня, в которой заглухнуть — верная смерть. Позади степь, над которой проносятся пятнистые русские вертолёты, и кто знает, а не перепутает ли тебя лётчик с машинами моджахедов, за которыми охотится? Вот он, долгожданный город, уже видны его сады и крепость на желтой горе! Хозяин доволен — сидит рядом, улыбается, начёт головой в такт весёлой музыке, льющейся из приёмника. Обещал хорошо заплатить — тогда и ремонт дадим дедушке «Мерсу»... О Боги, что это?!

Шаши затормозил так, что дукащик Раджу боднул лобовое стекло. Завопил было хозяин на неловкого шофёра, но осёкся, увидев его ошеломлённый взгляд на дорогу. Глянул сам... О Боги...

— Шаши, — потерянно проговорил он, — Ну почему нам так не везёт, а?

Все индусы очень религиозны. Корова для них —

священное животное. Сам великий Кришна был когда-то пастухом коров, грозный Шива путешествовал по свету на быке Нанди. Даже если корова шлёпнет свою лепешку прямо на порог дома индуса, тот возблагодарит Бога за такую милость, оказанную ему. Под страхом смерти индус не прикаснётся к мертвой корове — это могут сделать лишь люди избранной касты...

Всё было понятно без слов. Водитель — такой же индус, из такой же касты — выйשה. Совсем скоро сядет солнце, и появятся на дороге моджахеда, порожденья ночи. Прощай, единственная машина. Прощайте, дорожные ткани из Бомбея, Карачи и Лондона. В них вложил Раджу почти весь свой капитал, который скапливал долгие годы. Надеялся выгодно продать, сейчас ткани хорошо покупают... И город-то в двух шагах! Ну почему, почему так не везёт?!

Раджу вяло распахнул дверцу, бессильно спрыгнул. Пора самим ноги уносить... И увидел шестерых мальчишек, играющих в ашики¹⁹ всего в двух шагах. О великий Вишну! Ты не оставил в беде своего бедного Раджу, послал ему спасение!

— Эй, бача! — замахал торговец руками, — Идите сюда!

— Чего надо? — мальчишки лишь глянули в его сторону, но игры не прекратили.

— Ну, идите! Дело есть!

Мальчишки нехотя собрали кости и так же неторопливо подошли к машине.

— Что хотел, господин? — спросил лобастый, пухлогубый — видно, старший.

— Уберите это... — дуканщик опустил голову. Даже перед этими соплянками он не решился неуважительно отозваться о корове.

— Э, за этим звал?! — фыркнул лобастый, — Нам делать нечего, что ли? Тебе надо, ты и убирай... — и мальчишки повернулись, чтобы уйти.

— Эй, подождите! — Раджу торопливо полез в карман, — Возьми деньги, вот! Пятьсот афгани, конфет купишь! — он не сомневался, что мальчишки сейчас передерутся за право убрать корову с дороги.

— Зачем деньги? Сам почему не уберёшь? — пацаны явно не торопились.

— Да не могу я... Нельзя мне её трогать — грех...

— Э, нам тоже грех! Сам убирай.

— Ты же мусульманин, тебе можно, — растерялся Раджу.

— Ну, и что с того, что мусульманин? Раз твой Бог не разрешает её трогать, то он это правильно делает? —

резонно возразил лобастый.

— Ну... Ладно, — дуканщик полез в карман, — Тысяча афгани, бери...

— Лобастый хладнокровно покачал головой. У других мальчишек чуть ли не слюни уже текут, но — послушно молчат, паршивцы...

— Три тысячи! — стиснул зубы Раджу.

— Ладно, давай шесть — и возьму грех на душу, — сокрушенно махнул рукой маленький наглец.

— Что говоришь?! — взревел дуканщик, — Шесть тысяч за то чтобы несчастную корову убрать?!

— Не хочешь — убирай сам. Следующая цена будет больше, — пожал плечами лобастый, — Пошли домой, темнеет уже, — махнул он мальчишкам. Те послушно потрусил за ним.

«Темнеет уже» — эхом отдалось в ушах бедного торговца последние слова мальчишки. В отчаянии он взглянул на небо. Солнце уже наполовину скрылось за хребтом. Ещё полчаса — и ночь...

— Погоди! — Раджу трясущимися руками достал кошелек, — На, возьми... Душман маленький... — последние слова он пробормотал себе под нос, а то этот сопляк ещё цену поднимет.

Мясник Искандер кусал кулаки, глядя, как Джамал делит выручку между мальчишками. Это шайтан, а не мальчишка! И он дурак — такую корову продал за такие гроши! И всё же он, через силу скрутив в себе грызущую досаду, натянул на лицо сладкую улыбку:

— Ай, Джамал! Ай, золотая голова! Самый лучший дукандор будешь! Вырастешь большой — губернатор будешь! Пойдём, дорогой — шашлык кушать будем, чай пить будем...

До чего же здорово сидеть в прочной армейской палатке, греть ладони о кружку с обжигающим чаем, слушать, как погромыхивает холодный ночной ветер брезентовым пологом и наслаждаться покоем. Покой этот — иллюзорный, в любой момент может превратиться в нарастающим, выматывающим душу свистом «эрсса», и тогда — наску на голову и — наружу, в темень, свистящую ледяным ветром, вспыхивающую золотыми фонтанами разрывов — привет от пламенных маоистов-революционистов, «Джунго джицао»²⁰...

Хорошо, когда рядом товарищ — надежный, верный. Даже странно — ведь не будь этой войны, вряд ли встретились бы... Он родился и вырос совсем в других краях и кажется, в совсем другое время — даром по их

«Что же там делается в таких случаях?» — лихорадочно соображал я, обалдев от такого откровенного ответа. В это время мой «умник» сообщил, что лайнеру не хватит топлива до точки полёта, и начал выдвигать свои версии по решению проблемы. Я остановил поток его мыслей нажатием кнопки и занялся сам.

— Дай голосовую связь, — обратился я к компу, — и смикшируй мой голос.

Через полминуты комп сообщил, что команда выполнена.

— Я обращаюсь к предводителю. У вас не хватит топлива до цели, предлагаю совершить посадку для дозаправки. Выпустите заложников. Мы будем решать вопрос о выдаче.

— Не таких умных видали. Как только мы сядем, вы захватите лайнер. Я требую дозаправку в воздухе.

— Вы что, не понимаете возможных последствий...

— Пошёл ты... проповедник. Нам нужен наш друг.

— Ладно, я всё понял. Заходите на круг, танкер в воздухе, минут через десять вы его увидите.

— Только без глупостей.

«Так, — подумал я, — немного времени отыграли (комп услужливо скорректировал время полёта)». Ещё одна попытка договориться с главарём результата не принесла, призывы к совести не возымели успеха. Я откинулся на спинку кресла, взял стакан с холодным молоком (представил, что это джин с тонином) в левую руку, в правую взял карандаш, представил, что курю (как все нормальные герои боевиков в трудную минуту принятия решения) и начал размышлять о том, что же делать дальше. Прикрыл глаза и явственно ощутил, что вокруг суетится народ, подносят какие-то бумаги, кто-то постоянно разговаривает по телефону, в общем, обстановка соответствует.

«Умник» вяло пискнул. Я приоткрыл глаза и увидел на экране сообщение, в котором говорилось, что реальные шансов нейтрализовать террористов нет, и если вдруг они осуществят свой замысел, то дальнейшая жизнь на Земле будет невозможна в течение сотни-другой лет, пока природа сама не справится с последствиями катастрофы. Ещё на нескольких экранах были даны подробные диаграммы и таблицы.

— Короче! Что ты хочешь предложить?

На экране появился ответ, к которому я был готов, но первым произнести такой приговор вслух не хотел: «Уничтожить. Перехватчики подняты в воздух, и лайнер находится в зоне досягаемости ракет».

— Какого чёрта! Почему подняли перехватчиков без

моей команды? И хватит молчать, отвечай голосом, — разошёлся я, представив себя не меньше, чем генералом.

— Ваше разрешение не требовалось. Это было сделано согласно инструкции, — получил я спокойный ответ. — Лайнер заканчивает заправку через 5 минут. Время полёта до цели, с учётом попутного ветра, примерно 40 минут. На решение вопроса об уничтожении осталось не более 20 минут.

— Почему так мало?

— С учётом возможного взрыва ядерного устройства, распространения взрывной волны и скорости полёта ракет. Истребители находятся на расстоянии, исключающем возможность их обнаружения террористами.

Я снова откинулся на спинку, отпил молока, которое показалось мне скисшим, и начал лихорадочно рассуждать. Игра так меня увлекла, что я уже и не думал о возможности кнопки «RESET».

— Дай ещё раз на экран возможные варианты решения проблемы с расчётом процента успеха. Быстро!

Комп моментально выполнил команду. Выбор был не большой. Стопроцентный успех обещала только уже предложенная версия, остальные (их было штук пять) были заранее не реальны.

— Что ж, разбудите Президента! Это не тебе.

— Президент уже оповещён. Он возложил ответственность за решение проблемы на Вас. Осталось 15 минут. На вас выходит предводитель террористов. Соединить?

— Да.

— Соединяю...

— Эй, главный, ты меня слышишь?

— Да.

— Осталось минут 20. Где наш общий друг?

— Почему общий? — автоматически спросил я, в голове была каша.

— Ха... Так ведь он теперь друг всех людей, от его местоположения и здоровья зависит будущее...

— Вопрос практически решён, — начал напропалую врать я, чтобы выиграть время. — Заходите на круг. Через 5 минут я соединюсь с вами, чтобы обсудить условия передачи. Всё, конец связи.

— Лайнер начал выполнять манёвр. На решение проблемы осталось 7 минут плюс... плюс...

— Что, заело? — злорадно поинтересовался я у «Умника» и явственно ощутил, что сильно, как-то ненормально сильно, вспотел. Чёрт. Что это со мной? Ну-ка, ну-ка успокойся. Ведь это только игра. Делать нечего,

матери я просто устал.

Когда мне исполнилось тринадцать, отец провёл, как он сам сказал, «обряд инициации». Он открыл мне часть доступа к сетям, но взял с меня честное слово, что я куда не надо не полезу, а в случае непонятных ситуаций буду немедленно отключаться. Но любознательность и самоуверенность так свойственна человеку, тем более, если ему тринадцать.

Одним воскресным утром, когда отец очередной раз исчез, мама с сестрёнкой отправились в центр города по магазинам, я решил, что никуда в этот день вообще не пойду, а займусь новым стратегическим симулятором, который мне недавно удалось «стянуть» через сервер. Отец об этом не знал, он запретил мне самостоятельно «воровать» программы, объясняя этом тем, что есть шанс занести вирус, или, не дай бог, обнаружить нашу машину. Я понимал, что он просто пытается предостеречь меня от глупости. Было как-то дело — я влез не туда, куда надо, машина встала на блокировку, я испугался. Сразу же позвонил телефону, подключённый к компу, прибежал отец и выгнал меня. Я два часа маялся под дверью. Думал: «Ну вот, сломал что-то». Отец вышел из кабинета, но не стал ругаться, вообще он никогда ни с кем не ругался, улыбнулся и, растрепав мне волосы, сказал:

— Ты, конечно, молодец, смог пролезть в одну хитрую систему, правда, не совсем корректно. Задал задачу нашим диспетчерам, они перепугались, подумали, что я «с колёс слетел». Но лучше не надо, помнишь наш уговор?

— Да... — еле смог я из себя выдавить. Меня душили подкатившие слёзы — от теплоты отцовской руки, которую я явственно впервые почувствовал.

В общем, я был уверен, что спрятал новую игрушку надёжно; конечно, отец смог бы её найти, но он ведь просто не знал, что она есть.

Файл описания был только на английском, но любому человеку тринадцати лет, ученику почти элитной «английской» школы, это не помеха. Правда, описание не совсем походило на инструкцию игрушки: оно изобиловало большим количеством формул, по-моему, это было что-то из кибернетики, было много психологических выкладок, разных ответвлений и логических строк. Скорее всего, это была «бета-версия», ну что ж, тем будет интереснее. Управление игрой с помощью манипуляторов и клавиатуры было вкратце описано в конце — стандартный набор клавиш с небольшими вариациями. Игра была обширна. Собственно, это была не в полном

смысле игра, а увлекательное чтение романа, в котором развитие действий зависит от твоей фантазии — вот правда набор стартовых сюжетов был невелик. Я задумался. Прошёл сигнал соединения компа с внешней сетью. Кто-то настойчиво хотел пробиться. Я, естественно, не подал признаков присутствия — «Меня папа так учил». Наверное, какой-нибудь «хакер» сумел обойти все препоны, пусть радуется, что сумел, но пользы от этого никакой, не сможет он ничего скачать, а значит, и подтверждения наличия нашего компа и его взлома нет.

Видимо, «Умник» (такое имя мы дали нашему компьютеру) устал ждать. Заставка растаяла, появилось сообщение о начале действий. Машина вывела на экран условия:

1. Группа террористов численностью до 7 человек захватила межконтинентальный лайнер с пассажирами.
2. У преступников имеется ядерное устройство.
3. Лайнер, по их требованию, был поднят в воздух и взял курс к хранилищу ещё не уничтоженного химического оружия на одном из атоллов в Атлантике.
4. Террористы требуют освобождения своего главаря из тюрьмы, предоставления им корабля на орбите и большого количества кредиток.
5. В случае невыполнения требований, они грозят направить лайнер на этот атолл.

Расстановка сил:

1. На борту лайнера находятся 217 пассажиров плюс 16 членов экипажа.
2. Время полёта лайнера к указанному атоллу 1 час 10 минут (уже 1 час 09 минут).
3. При осуществлении плана террористов, весь океан в течение суток превратится в огромный резервуар с ядом.

— Вот это игрушка, — вырвалось у меня. — Класс! Такой ещё ни у кого не было... Вот ведь неймётся кому-то, — раздражённо проговорил я, лампочка вызова постоянно помаргивала. — Ну что ж, начнём. Как там в фильмах?

Компьютер вывел на экран время обратного отсчёта, оставалось уже чуть меньше одного часа.

Сначала попробуем связаться с террористами и договориться. Я набрал команду на вызов лайнера и ввёл текст такого содержания: «Я уполномоченный вести с вами переговоры. Прошу ответить». Примерно через минуту пришёл лаконичный ответ, в котором уполномоченного посылали по хорошо известному адресу, сообщалось, что все условия выдвинуты, и разговоры вести не о чем.

календарю на дворе — четырёхнадцатый век. И все равно столько общего между ними — оба лейтенанты (только на фарси звание второго называется «бридман»), оба молодые, неженаты, оба до войны любили книги, рыбалку и мотоциклы.

Саша и Арслан давно обсудили все детали предстоящей операции и теперь от души болтали «за жизнь». Арслан до войны учился в Ташкентском пединституте и бегло говорил по-русски, Саша учил фарси в военном училище — понимали друг друга вполне.

— Послушай, Арслан, — вспомнил Саша утреннюю встречу, — А ты не знаешь случайно пацана такого, Джамал зовут? Он с дедом на кладбище живет.

— Конечно, знаю, — хмыкнул Арслан, — его все в городе знают...

— А что, — насторожился Саша, — У тебя с ним неприятности были?

— Э, у меня с этими пацанами всегда неприятности. Начальник говорит: «Ты в педагогическом учился, занимайся с ними». Я говорю: «Я — сотрудник отдела по борьбе с бандитизмом, так? Некогда мне с детьми заниматься!» А он опять: «Вчера губернатор звонил — мальчишки у машины колесо украли. Давай, разбирайся».

— Как это — колесо украли? Запаску, что ли?

— Зачем — запаску! Такое украли. Ваши за песком к реке ездили на «сто тридцатом», потом заехали в дуканый ряд. Приехали, прапорщик дубленку купить пошел, водила на кабина сидит. Пацаны подбежали, один с водилой «ля-ля-ля», другие колесо сняли, укатили.

— Да ну, ерунда это! — не поверил Саша, — Как это — сняли? Незаметно, что ли? Да сразу же почувствуешь, как поддомкрачивать будут! Сам он скат загнал, прапор этот...

— Э, какой домкрат! Под колесо ямка копал, кусок бревно под бампер ставил, гайка открутил — без ключа, двумя руками камнем открутил, быстро-быстро! Прапорщик приходил — колесо нет, правый фара нет, водила ничего не видел. Я потом Джамал спросил: «Ты брал?» — он говорит, нет. А я этот колесо в дукане видел, дукандор говорил — он принес...

— Ничего себе! — развеселился Саша, — Вот расскажи нашим водителям в Союзе — не поверит никто, чтобы вот так, без инструмента... Слушай, старик, а можно его на учебу куда-нибудь пристроить? Есть же интернаты — ведь смысленный пацан, учиться ему надо...

— Он учился, до войны ещё. В Кабуле учился, в лицее.

— Как — в лицее? А кто у него родители были? За учебу кто платил?

— Родители дехкане был. Учиться бай посылали, Исмаил-хан.

— Бай послал?! — Саша подумал, что ослышался, — Ты что, серьёзно?

— Да, бай посылали. Понимаешь... — Арслан замялся, подбирая слова, — Они в кишлаках это... Короче, родственники почти все. Дальние — дальние, все равно родственники. Бай смотрит: этот мальчик умный — он его учится посылает, деньги платит. Потом смотрит: у этого дехкани жена болеет — он из города доктора привезёт. Дехканин ему рука целовать будет. Не думает совсем, что бай потом свои деньги обратно вернет. Мы дехканам говорим: «Бай ушел, берите его землю». Они говорят: «Не надо. Чужой земля грех брать, зачем бай прогнал? Бай хороший был»...

Вот так. У нас в России, если помещик в своей деревенной школе да больницы для крепостных строил — так его соседы за психа считали. А здесь это — обычное дело, оказывается. Не Восток — дело тонкое, а мы — дело толстое, вот что...

— Так как насчет Джамала-то? — напомнил Саша, — Можно его в интернат устроить?

— Посылали в интернат — убегал, два раза. Говорит — плохо, воспитатель ругает, бьет, учат неинтересно. Я говорил: «Там кушать дают, весь день за лепешка работать не надо, потом в Союз поедешь», — а он все равно не хочет. Говорит: «Больше не посылай, а то к душманам убегу». Я сам ему книги даю. Писать он умеет, по-немецкому немного умеет, по-английскому... Считает вообще, как «кассио» — бумага не надо, карандаш не надо — рупии на афгани посчитать, афгани на чеки — башка думает немощно: раз-два — точно говорит! Спать будем, Саша? — потрянул Арслан курчавой головой, — Вставать рано...

— Давай укладываться, старик. Бушлат вон возьми, укрыться...

От пахучего, сочного шашлыка Джамал ослонел. Мясник всё восхищался его сообразительностью, восхищенно цокал языком и обещал послать его к своему брату в Кабул — приказчиком в большом дукане. Джамал старался скромно отнекиваться, вежливо поддерживать разговор, а сам замирал, боясь спугнуть такую удачу — неужели правда? Уехать в Кабул, в этот необыкновенный огромный город с асфальтовыми улицами, многоэтажными домами, кинотеатрами! И настоящими книжными магазинами! И можно встретиться с

друзьями из лица! Нудно чего же удачный день сегодня!

Когда прошла первая, самая жгучая досада, мясник здраво рассудил, что отобрать у мальчишки деньги конечно было бы можно, но это было бы и грешно, да и просто глупо. А вот если взять мальчишку под крыло, да приручить — за таким потом, как за каменной стеной будешь. Брат Хяляф давно просил прислать ему в Кабул какого-нибудь мальчишку для помощи в дукане — местным он почему-то не доверял. Рано утром он вместе с ним выедет в столицу — к вечеру будут на месте. А то, что мальчишка обвел его вокруг пальца и нагло присвоил себе его деньги (дуканщик уже сам поверил в это), не беда — потерю он сегодня же возместит с лихвой. С его же помощью...

Три года назад, в Пешаваре, прошел он курс обучения у тамошних инструкторов. Стрелок он был никудышный, гранатомета вообще боялся, как проказы, но вот занятия по минно-подрывному делу почему-то давались ему неплохо. Занятия эти вел спокойный пожилой китаец — неизменно вежливый, но строго державший дистанцию между собой и бородатыми курсантами. И не допуская ни малейшего нарушения дисциплины: упаси Аллах появиться на его занятиях хоть с малейшим запахом²¹ — инструктор с его звериным чутьем моментально вычислял нарушителя и тому приходилось, обливаясь потом под жгучим солнцем, проделывать совершенно бессмысленную работу — выдалбливать в каменной земле окоп полного профиля. Бессмысленной эта работа была потому, что потом никто из них окопы не рыл — в горах укрытия для стрельбы просто складывали из камней...

Странно, но трусоватый от природы Искандер почему-то всерьёз увлекся этой гремучей наукой. Особенно выделил его инструктор, когда группа приступила к изучению самодельных мин и мин-сюрпризов. Здесь требовались изобретательность, смекалка, умение сочетать смелость, даже дерзость, наглость с хладнокровием и точным расчетом. Попробуйте изготовить фугас из обыкновенных удобрений, батарейки и лампочки от карманного фонаря — да так, чтобы он рванул избирательно, под днищем танка, а не бэзээр! У Искандера это получалось ловко, почти играючи — он даже тихонько напевал себе под нос, изготавливая очередную смертельную игрушку из жестяного кумгана²² или обычной мышеловки.

Быть регулярным бойцом в отряде Искандер не смог из-за природной хилости. После того, как врач-француз ухлопал на него кучу дорогих антибиотиков, вытаскивая

после жестокой пневмонии, главарь Ахмад-хан хотел было пристрелить доходягу, но потом махнул рукой и отправил домой — легализоваться и быть готовым к выполнению заданий. Что Искандер и сделал — привел в порядок лавку, в которой хозяйничал покойный отец, наладил торговлю и зажил двойной жизнью. Днем торговал мясом, покупал скот у дехкан, а по ночам выполнял задания Ахмад-хана. За выполнение заданий Ахмад-хан платил аккуратно — до десяти тысяч афгани за подорванный танк. Танки ценились выше всего, поэтому Искандер даже расстраивался, когда на изготовленной с таким старанием мине подрывался БТР или БМП — за них платили меньше, хотя тоже неплохо. Иногда подбрасывал солдатам мины-сюрпризы в виде карманных фонариков, авторучек или сигнальных ракет.

А сегодня он с помощью мальчишки подготовит к подрыву фугас, который установил на окраине города еще неделю назад. Там, на узкой улочке между глинобитных стен, был зарыт в землю старый жестяной бидон с неразорвавшимися минометными минами и кусками пластика. В кусок пластика уже вставлен электродетонатор, провода которого выведены наружу и тщательно замаскированы в развалинах. Для того, чтобы окончательно подготовить фугас к подрыву, осталось немного: протянуть между стен дувалов над дорогой две проволоки, подсоединить к ним провода, ведущие к детонатору и соединить их с батарейкой. А дальше — всё сработает само собой, без его участия: впереди колонны пойдет танк, толкающий впереди себя минный трал — могучую раму с тяжелыми стальными катками, которые должны утопить дорогу и вызвать подрывы мин нажимного действия, расчищая дорогу всей колонне. Когда трал наедет на фугас, ничего не произойдет, детонатор будет спокойно дожидаться мгновения, когда танк накроет заряд своим толстым броневым брюхом. В этот момент длинная танковая антенна коснется натянутых проводов, мгновенно замкнется электрическая цепь и в темном прохладном нутре детонатора вспыхнет искра, от которой детонатор тут же сработает, раздирая в пыль свою тонкую алюминиевую оболочку и пробуждая яростный мгновенный взрыв основного заряда, от которого полнет днище танка и разлетятся в стороны стальные катки. Ахнет из-за угла хлестким эхом гранатомет, поджигая хвостовую машину. Колонна окажется запертой в узком проходе — ни развернуться, ни оттащить то, что останется от танка. И тогда взвоят в соседнем заброшенном саду минометы Ахмад-хана, аккуратно укладываемые мины на тщательно пристрелянную местность...

АЛЕКСАНДР ЗУБЧЕНКО ИГРУШКА

У нас дома, сколько я себя помню, никогда не было ни телевизора, ни радио, хотя жили мы не бедно — отец не любил слушать новости, которые каждый час передавали по всем каналам. Можно было установить кабельное и смотреть то, что нравится, но мой предок говорил: «Или всё, или ничего!» Вот как хочешь, так и понимай. Единственным, по его выражению, «средством сношения с внешним миром» был компьютер. Не просто домашняя персоналка, а очень «навороченная» машина — такую не смог бы себе позволить, пожалуй, никто; машину выдала в пользование фирма, где он работал. Возможности персоналки были практически неограничены, она была подключена ко всем известным сетям, и не только гражданским; выйти можно было, куда угодно, и, соответственно, узнать всё, что угодно. Я научился лазить по миру, но, к сожалению, мог только скачивать информацию, а вот общаться с кем-то ещё не получалось: наш комп видел всех,

а его не видел никто, выход осуществлялся через сервер фирмы. Отец иногда получал сообщения, что-то отправлял, но для меня эта возможность была закрыта многоступенчатой системой кодов, для взлома которой, по словам отца, понадобилась бы такая же машина.

Про свою работу отец никогда ничего не рассказывал, а мама... мама говорила о какой-то очень важной правительственной организации. Отец частенько пропадал в командировках, и наш дом погружался в тоску. Я был в том возрасте, когда, наслушавшись анекдотов и рассказов, был в курсе возможных взаимоотношений взрослых, и ненароком думал о том, что у моего отца есть любовница, а мать не хочет разрушать семью ради меня и моей сестры. Отец возвращался всегда одинаково

уставшим, а настроение... Настроение бывало разным. То зайвится среди ночи радостный (обычно, несмотря на учёбу, мы сразу же всей семьёй улетали на 2-3 дня куда-нибудь в тропики), то появлялся очень тихо, мы узнавали о его возвращении от матери, когда она кормила нас завтраком. В такие дни он подолгу не появлялся на глазах, лежал и тихо пил в комнате родителей, или забираясь к себе в кабинет и мучил компьютер. Через пару

дней он выходил к нам, пытался шутить, но получалось у него не очень.

Особых претензий у меня к нему не было, я уже привык к такой жизни, понимая, что изменить ничего не смогу. Бывало время, мы вместе играли в виртуалку, ходили на школьный стадион погонять мяч, он подолгу разбирался с трудными школьными заданиями, но никогда не был близок ко мне так, как бы мне хотелось. Я не представлял себе, что он обнимет меня или поглядит по голове. У меня не возникала мысль попросить у него совета в жиз-

ненной ситуации или обратиться в трудную минуту. Моим лучшим другом была младшая сестра, от неё у меня не было никаких секретов. Бывало, что она вытирала мне слёзы, когда я приходил домой после не очень удачной драки, или советовала, как помириться с предметом воздыхания. Было жалко нашу маму, потому что я не часто видел её счастливой. Она пыталась забыть в постоянной домашней работе и заботе обо мне и сестре. Один раз она собрала нас, и мы уехали к её родителям. Это случилось после того, как отец вернулся из своей командировки весь почерневший, сразу полез в аптечку, выпил какую-то таблетку, а потом, прихватив литровую бутылку водки, заперся в кабинете и не выходил оттуда три дня. Вот мы и уехали. Всё было не так, а от слёз

АЛЕКСАНДР СОКОЛОВ

ВЕДЬМА

Ведьма шла по тропинке к Высокой горе. Шла за Кривавым камнем. Следом, прячась за камнями и деревьями, осторожно крался Люк. Ему было и страшно, и любопытно. Укрывшись за скалой, он жадно наблюдал, как ведьма собирает кроваво-красные обломки. Наверно, станет из них делать колдовское зелье, чтобы людям вредить. Так все в посёлке говорят.

Камни цветом своим походили на шкуру чудесного Красного зверя. Такой маленький шустрый зверек, похожий чуточку на маленькую рысь, есть в доме каждого хорошего охотника в посёлке. Он приходит из Леса к мальчишке, когда тот становится взрослым, и остается с ним навсегда, становится верным и ловким помощником, другом. Охраняет от чар колдовских, от всякой нечисти, которой немало в Лесу. Не к каждому приходит Красный Зверь, а лишь к тому, кто этого достоин. Люк очень надеется, что года через три-четыре такой зверек придет однажды и к нему.

Размышляя о Красном звере, Люк не заметил, куда исчезла ведьма. И вздрогнул, когда кто-то тронул его за плечо. С испугом обернулся. Ведьма была рядом. Посмотрела на Люка с усмешкой, приложила палец к губам.

— Тихо. Подсматривал, значит? Ты смелый. Пойдём.

Ведьмин голос прозвучал негромко, как ручеек, но в то же время строго. Ослушаться ее приказа было невозможно. И Люк, как привязанный, понуро поплелся вслед за ней по горячий от солнца тропинке, повесив голову, и только изредка, украдкой, поглядывал на ведьму, на ее тоненькую гибкую фигурку. С опаской, но и с восхищением. «Какая же она красивая!» — невольно думалось мальчишке.

Еще бы, каждый знает, что Смешка — самая красивая в поселке девочка! Жалко, что ведьма. И отец ее колдун,

и дед...

Ведьмин дом был у самого Леса, на краю поселка. Смешка отворила дверь, кивнула оробевшему еще сильнее Люку: «заходи». Усадила за дощатый стол. Пересыпала красные камни из лукошка в чугунный горшок, поставила его перед Люком, вместе с увесистым железным пестиком.

— Толки давай.

Люк не посмел ослушаться, хотя и жалко ему было чудесных камней. И любопытно сделалось опять, — зачем они ведьме понадобились. Не иначе, для какого-нибудь жуткого колдовства.

Он трудился до вечера. Ведьма то куда-то уходила, то появлялась снова. Камешки были твердые, и Люк совсем измучился, пока истолок их все в мелкую красную пыль. Тогда ведьма забрала у него чугунок и вновь куда-то вышла с ним, приказав мальчишке оставаться на месте и поставив перед ним большую кружку молока, прикрыв ее огромным ломтем хлеба с медом. А когда, спустя долгое время, вернулась, чугунок был полон до краев густой, кроваво-красной жидкости. Та дымилась и булькала. Люк отшатнулся, когда посудина с чародейским варевом очутилась на столе возле него. Но ведьма с усмешкой достала с полки над столом и поставила перед мальчишкой двух глиняных игрушечных зверят. Похожих на котят. Или на тех чудесных Красных Зверьков, о которых Люк думал недавно... Дала ему большую, широкую кисть...

С замиранием в душе, боясь поверить в то, что происходит, Люк обмакнул кисть в кипящее варево, затем провел ею по телу глиняного зверька...

Хвост Зверя, окрашенный в пурпур, нетерпеливо дернулся...

Наутро к двум юным охотникам явились чудесные Красные Звери.

— А когда поедем, дядя Искандер? — непривычно несмелый голос мальчишки отвел его от картины боя.

— Да прямо под утро и поедем. Нам ведь долго собираться не надо?

— Конечно! Я только с дедом попрощаюсь!

— Тогда беги и скорее возвращайся, ты мне помочь немного должен...

Спустя полчаса запыхавшийся Джамал уже постучался в ворота дуكانщика.

— Уже вернулся? — удивился Искандер, — Какой быстрой! Отпустил тебя дед?

— Да... Только потом заплакал... — Джамал яростно утер нос. — Говорит, теперь не приедешь, а я старый, умру скоро...

— Вай, глупости какие! Он старик еще крепкий, а ты к нему будешь часто приезжать, подарки привозить. А потом свой дом купишь, его к себе заберешь! — Дуكانщик был весь — доброта и участие.

— Ага... Я ему деньги все оставил... Дядя Искандер, я еще одно дело должен сделать.

— А что такое?

— Э, понимаете... Вы Малику-ханум знаете? Она возле реки живет, где туговник сгоревший.

— Это у которой в прошлом году мужа в армии убили?

— Ну да. Она сама землю пашет, ей её малыши помогают, Хасан и Хусан их зовут. Она сегодня меня попросила ей у Вас trebuхи купить, а денег дала совсем мало, говорит: «Уж на сколько хватит...». Дядя Искандер, Вы мне печенки обещали, помните? Тогда отрежьте сейчас, я ей отнесу... Ладно?

— Э, такой добрый будешь — никогда дуكانщиком не станешь... Ладно, пойдем, отрежу.

— Спасибо, дядя Искандер... Да Вы побольше отрежьте, побольше! Почему «хватит»? У неё пацаны, они всегда голодные... Э, давайте, я сам. Вот теперь хорошо! Я быстро! — и Джамал выскочил за дверь, унося увесистый сверток.

— Дуكانщику только и осталось, что раздраженно засопеть — не мальчишка, а ветер, такой у шайтана на бегу карманы очистит, и опомниться не успеешь!

Хоть и был Джамал прыгучий да неутомимый, как тушканчик, но в конце концов и его усталость сморила. Вернувшись от Малики-ханум (та сначала испугалась, думала, украл мальчишка эдакий кусище мяса), Джамал еле

переставлял гудящие ноги.

— Дядя Искандер, я тут вот, под яблоней спать лягу, хорошо? — Джамал бросил на землю свою старую куртку и вздохнул от наслаждения, растянувшись на ней, — «Спать, спать...»

— Ай, дорогой, погоди спать, — дуكانщик бесцеремонно потряс его за костлявое плечо, — Еще одно дело сделать надо...

— Какое дело, дядя Искандер? — пробормотал Джамал уже с закрытыми глазами, — Завтра все сделаю...

Прошло еще добрых десять минут, пока дуكانщик растормошил засыпающего мальчишку и растолковал, что надо натянуть над дорогой две проволоки — мол, повесит он на них большую жестянку с надписью: «Заходите в дуكان к Искандеру на центральной улице, там всегда самое свежее и дешевое мясо».

— Зачем это, дядя Искандер? — недовольно ворчал Джамал, — в городе и так все знают и тебя, и твое мясо — какое оно свежее да дешевое, — последние слова он проговорил с плохо скрытой иронией.

— Э — э, реклама это называется! В Кабуле не видел разве?

Напоминание о Кабуле помогло прогнать остатки сна. Ладно уж, надо — так надо... Зевая, Джамал вышел вслед за дуكانщиком из калитки и поплелся по улице, стараясь держаться в тени, готовый скакнуть через дувал в случае чего: не приведи Аллах нарваться на патруль царя — ночью они сначала стреляют, а потом спрашивают: «Стоит, кто идет?». От глинобитных стен еще веяло теплом, накопленным за день, но уже начал посвистывать холодный ночной ветер, быстро выдувая остатки тепла с улиц, словно дворник, выметающий мусор. Медленно выполз из-за барханов пустыни и обгрызенной лепешкой повис над городом тусклый стареющий месяц. Глухо пролаял вдалеке пулемет, развернул среди звезд веер алых траассеров — красиво...

— Дядя Искандер, далеко еще? — не вытерпел Джамал, кутаясь в старую куртку, — Уже город кончился...

— Пришли... — дуكانщик подобрался, говорил непривычно сухо и отрывисто, — Видишь, в стене железные скобы вбиты? Лезешь туда, прикрываешь к ним проволоку, потом протягиваешь её к другой стене и там к скобам притягиваешь. Держи, — и он протянул Джамалу моток медной проволоки и плоскогубцы.

Для ловкого сухого мальчишки взобраться на глинобитную стену — что для воробья на ветку вспорхнуть. А уж управляться с железками Джамал умел... Какие-то минуты — и он легко спрыгнул со стены в дорожную

пыль. Ровно натянутые струны проволоки чуть поблескивали в лунном свете.

— Дядя Искандер, — озабоченно проговорил он, — А ведь проволока тонкая. Как на такую тонкую жезть вешать? Ветер дунет — и порвется!

— Ничего, это так, чтобы место показать, где рекламу вешать. Завтра Азиз-жестянщик на это место и проволоку крепкую натянет, и вывеску повесит.

— А кто её читать будет? Тут же окраина, одни развалины кругом, — недоуменно огляделся Джамал.

— А кто в город будет въезжать, тот и прочитает, — быстро пробормотал дуканщик, — Погоди, я сейчас... — он скрылся в развалинах и скоро появился, отряхивая пыльные ладони, — Ну все, пойдем домой. Отдохнем немного, а с рассветом поедем.

Облет, или, говоря языком уставов и инструкций, до-смотр караванов — особый, как и вся эта война, метод ведения боевых действий. Загружается группа в пару «восьмерок»²³ и в сопровождении пары «крокодилов»²⁴ вылетает для осмотра назначенного района. Все идущие по дорогам машины и караваны «вьючных» останавливают и досматривают «на предмет наличия оружия, боеприпасов и других запрещенных грузов». Делается это так: заметив машину, пилот «крокодила» вспарывает дорогу перед ней предупредительной пулеметной очередью: «Стой!» «Восьмерки» садятся, группа десантируется и берет машину на прицел. Командир группы с двумя-тремя солдатами досматривает машину и если все нормально — «Шумо озод, метавоне равед...»²⁵ Чаше всего так оно и бывает, а для командира в таких случаях главная забота — следить, чтобы твой солдатик не снял часы с перепуганного водителя, да карманы ему украдкой не вывернул. Но случается, что попадают-ся и «духовские» машины. Тогда бывает по-разному. Чаше — водила жмет газ «до полика» и пытается спастись, влетев в ближайший кишлак или «зеленку». Тогда «крокодилы», словно почувавшие добычу акулы, хищным нырком заходят на боевой курс и вслед беглецу несутся острые сигары ракет, раздается оглушительный — словно само небо раздирается на куски — треск авиационных пушек. И кто там в этой машине — душман или мирный дуканщик — выясняется позже, уже при осмотре машины, догорающей у дороги. Отстреливаться пытаются редко: когда над головой кружат свою жуткую карусель узкие пятнистые вертолеты, увешанные бочонками ракетных «пуснчей», особенно не

понаглеешь, лучше уж бросить машину, да бегом в горы или в «зеленку», авось выручит Аллах...

Лейтенант Бабкин сидел на жестком откидном сиденье в проходе пилотской кабины и отчаянно, так, что сводило скулы, зевал. Опять вчера протрепались с Арсланом до третьих петухов, а чуть свет — на вылет. Вернешься и опять вылетать — теперь на блокирование кишлака, который будет Арслан со своими прочесывать. Приеду в отпуск — неделю спать буду, вот что. А потом на другой бок перевернусь... Беспонтовый какой-то район попался, ёлки — уже возвращаться скоро пора будет, а ни одной машины не попало. «Духи» не дураки — кто под утро поедет? Их под вечер ловить надо, в сумерках, как суданов. Эх, на рыбалку бы...

— Сань, эту дорогу глянем? — наклонился в его сторону «правак»²⁶, чиркнув карандашом по сложенной карте, — вчера там вьючных вроде видели.

— Давай глянем, — кивнул лейтенант, — Как у «крокодилов» по остатку — успеваем?

— Вроде должны... — штурман сообщил новый курс сопровождающим «двадцатьчетверкам», достал из мятой зеленой пачки «Охотничью» сигарету. Протянул пачку лейтенанту, — Будешь?

— Спасибо, неохота...

Степь мягко наклонилась, прижала к стенке легкая перегрузка. Вертолеты выровнялись после разворота, сбросили высоту и на бревущем понеслись к редким хребтам, торчащим в степи, как уснувшие динозавры. Степь стремительно полетела навстречу, расстилаясь бескрайним лоскутным одеялом, сотканным из крохотных дехканских полей и виноградников, простеганным тонкими нитями арыков, в дырах сухих кяризов²⁷.

Ах, до чего же здорово ехать ранним утром по степной дороге! Как нежно розовеет синее небо — скоро от жары оно выцветет, станет пыльно-блелым, а сейчас — словно эмаль на куполе Голубой мечети в Кабуле. О чем бы ни думал Джамал, все мысли вновь и вновь возвращались к этому сказочному городу — словно осы, облепившие ломоть арбуза: стогнишь их, они минутку покружатся, и опять присосались к сладкой мякоти. Джамал тихонько подрагивал и никак не мог удержать свои пухлые губы, которые сами собой растягивались в счастливой улыбке. Сейчас они заедут в кишлак возле горы Шераликамар, там у Искандера какое-то дело, а потом выедут на асфальтовую трассу и...

Джамал сладко жмурился, представляя упругий

ЗИНАИДА КОННАН

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ДЛЯ МАЛЕНЬКОЙ ВЕДЬМЫ

Ветер в комнату несет
Сладкий запах прерий.
Няня песенку поет
У моей постели:

«Зря молилась столько лун
Мать Пречистой Деве!
Подменил тебя колдун
В материнском чреве!»

Говорят, меня на свет
Ведьма принимала, —
Закляла меня от бед
И околдовала.

Сладу нет со мной с тех пор.
Ни одной подружки...
Все гляжу на задний двор,
Где живет прислуга.

Кукол в руки не беру,
С сестрами не лажу
И подменишем расту
К ужасу мамаш.

Не поймет меня родня,
Пригрозили порной:
«Сядь за книгу!» — а меня
Тянет на задворки.

На задворках — дым и пар,
У костра так жарко.
Там катает белый шар
Черная служанка.

Слышу пение рабов,
Что пришли с плантацияй.
«Ближе, чем на сто шагов
К ним не приближаться!»

Барабана мерный гул
Призывает духов,
Извивается в кругу
Черная старуха.

Повзрослею — и в нору
К старой негритянке...
«Ару-р! Ару-ру!» —
Напеваеет нянька. —

Спи, разбойница! Ты что
Верещишь, как муха?!
Засыпай же, — а не то
Глянь: утащит брухо!»

Что же, брухо — лучший друг
Маленькой чертовке.
«Няня, ты слыхла стук?»
«Ну-ка спать, плутовка!»

Повернись на правый бок!..»
Я в ответ зеваю,
Придвигаюся в уголок,
Но — не засыпаю.

Только гляжу белый шар,
Там, где дремлют духи,
Повторяя про себя
Заговор старухи.

8-10 декабря 1998

Штерней отложил тетрадь, тихо улыбаясь.
 — Молодец, ЗайБи! — Щелкнул по молчащему компу пальцем. — Эй! Альбом готов?
 — Да, командир! — мрачно выдавил Зайнуда и вытащил из своего чрева пачку фотографий с разными улыбающимися лицами — «Штерни с мамой», «Штерни с младшим братом» и прочие, прочие...
 — Ух! Ну ты и гений, компик!
 — Может теперь полетим? Нас ждет более важная

работа, командир! — закончил бортовой.
 Штерни разложил все красиво вокруг пульта управления, с улыбкой откинулся в кресле, созерцая свое богатство.
 Но что-то было не так
 ... А потом парень сгреб все с пульта, швырнул на пол, сморщился:
 — Заводи моторы, ЗайБи! Вперед!...
 1999 г. Январь. Орск

ЯНА ЗНАМЕНСКАЯ

Каждый день кладешь, как заведенный,
 Срез своей души под микроскоп —
 Там в пределах самообороны
 Борется с депрессией микроб

Подарил серебряный перстень:
 Вот умру — тогда почернеет камень.
 Сколько лет уже ношу уголек,
 Ограненный собственными руками...

Помни, если в небо хочется,
 А взлететь не в силах:
 Сплетни — это тоже творчество.
 Творчество бескрылых.

Ваять стеклянные фигурки
 И ставить на окно...
 ну, попадут случайно камнем —
 Не все ли мне равно?

Ведь это не со зла какого,
 нетрудно же понять, —
 А просто меткость захотелось
 Кому-то показать.

Осколки — тряпочкой в ведерко,
 Как раньше, до нуля.
 И тех фигурок не увидят
 Ни небо, ни земля...

Скульптор от камня отколет все лишнее.
 Только что скажете вы, если вдруг
 Из-под резца вдохновенного вышла бы
 Ника без крыльев, Венера без рук?

ПАМЯТИ СОЛОМОНА ИБН-ГАБИРОЛЯ

Сердце, давно переставшее биться,
 Никто не поможет тебе пробудиться —

Ни смоковница, что шелестит над могилой твоей,
 Плача осенью листьями, как золотыми слезами,
 Забываясь весной, одаряя живущих плодами,
 А зимой вспоминая, что нет утешения ей.

Сердце, давно переставшее биться,
 Никто не поможет тебе пробудиться —

Ни звучащий веками миллионголосьй родник,
 Пробуждающий к жизни твои незабвенные строки,
 Чтобы снова и снова помочь твоим чувствам глубоким
 Биться теплой волною в души глубочайший тайник.

Сердце, давно переставшее биться,
 Никто не поможет тебе пробудиться —

Ни любовь, что, проснувшись от тысячелетнего сна,
 Удивленно крылами взмахнула: ведь я же не птица! —
 Поднялась и взлетела искать, где бы ей воплотиться —
 Ведь сама по себе жить совсем не умеет она.

Сердце, давно переставшее биться,
 Никто не поможет тебе пробудиться...

встречный ветер и мягкий шорох шин по асфальту и подпевал индийскому певцу, томный голос которого лился из автомагнитолы. Сначала подпевал тихонько, потом в полный голос.

— Ийе?! — удивленно уставился на него дуканщик, — Ты еще и поёшь?

— Да нет, я так..., — смутился Джамал и замолчал.

— Нет, пой, пой! Ай, голос какой у тебя, бача!

Этих песен из индийских фильмов Джамал знал великое множество, хоть и не догадывался, о чем в них речь-то идет. Но цепкая память его схватывала их почти сразу — может быть потому, что песни эти были похожи одна на другую, как и сами индийские фильмы. Дуканщик даже зашмыгал своим носом, похожим на сморщенный баклажан, когда Джамал, слегка дурачась, начал одну за другой исполнять киноарии, виртуозно подражая голосам антеров и антрис. Его летучий голос то обретал мужественную романтичность, то вдруг становился нежным и сладким, как инжирное повидло.

— Вай, Джамал, вай, молодец..., — растроганно бормотал Искандер, — ты не дуканщиком будешь, ты артистом будешь, да...

— Э, артистом не хочу, — отмахнулся Джамал, — Я, когда богатым стану, лучше сам кино делать буду. Как Радж Капур — он сначала тоже бродяга был, беспризорник, а потом стал кино делать.

— Да-а? — дуканщик уважительно приподнял брови, — А про что кино делать будешь?

— Да про что захочу! Хоть про наших ребят — про Садыка, про Хафиза, как они в пустыне варана поймали, хотели приручить, чтобы он дом охранял, вместо собаки. А он у них цыпляет съел и убежал.

— Цыпляет съел?! Всех?

— Ну да... Им тогда Хадича-ханум так всыпала! Они так орали, что со всего города ишачи отзывались! А потом они все равно жалели, что варан убежал...

Дорога начала змейиться, незаметно поднимаясь в горы. Дуканщик остановил машину.

— Все, бача, лезь назад. Да смотри, не зевай, если встанем! — от его недавнего добродушия не осталось и следа.

Дело знакомое — когда машина едет по горам, водители часто нанимают мальчишек сидеть в кузове (или стоять на заднем бампере) в готовности прыгнуть и подсунуть под заднее колесо деревянную чурку, если машина вдруг заглохнет на подъеме. Джамал так ездил много раз. Летом ничего, а вот зимой трудновато: постой-на так на ледяном ветру! Пальцы ноченеют, ноги

вот-вот соскользнут с обледенелого бампера, глаза ничего не видят из-за режущего ветра и слез, которые даже не успевают высохнуть, замерзая на волосах и воротнике. И платят за такую работу гроши, а куда денешься? Зимой работу найти трудно...

Джамал легко вскочил в маленький открытый кузов «Тойоты», цепко ухватился за борт, махнул рукой: «Поехали!». «Тойота» резво покатила по горной дороге, Джамал вновь звонко запел любимую песню из фильма Раджа Капура: «Бродяга я, бродяга я...». Ах, как же хорошо жить на свете!

Сидящий в носовой части кабины бортехник оторвался от пулемета и вскинул руку:

— Смотри, командир! Во-он пылит!

— Вижу... — отозвался лейтенант, мгновенно подобравшись, — Передай «крокодилам»: работаем! — кивнул он штурману и, обернувшись, толкнул дверь грузовой кабины, — Приготовиться!

Одинокая полугрузовая «Тойота». В кузове, кроме одного пассажира, ничего нет. Скорее всего, водитель — обыкновенный дуканщик, едет по своим делам. Ничего особенного. Да ладно уж, хоть размяться немного — а то бойцы уже носами клевать начали, пусть хоть потренируются лишний раз... Чего это он? Не тормозит, смотри-ка, скорость прибавил... В кишлак заскочить хочет, понятно. Ну, тогда не обижайся, правила игры все знают...

— Нормально, Сань! — весело махнул рукой бортехник, — Капец духу! Комэкс дело знает!

«Двадцатьчетверки» по плавной дуге вышли с боевого курса и, набрав высоту, начали кружить над подбитой машиной свою зловещую карусель, прикрывая высадку десанта, готовые вновь сорваться в атаку, вонзить во врага смертельные ракетные жала. Вертолеты с разведчиками пошли на посадку, винты взметнули вверх облака белой пыли. Лейтенант коротко толкнул легкую дюралевую дверь, она мягко ушла вбок. В открытый проем ворвались запахи керосинового выхлопа, тротиловой и бензиновой гари. Врубившись в скалу, чадила впереди подбитая «Тойота».

— Пошел! — и сам следом за радистом прыгнул на менистую дорогу, придерживая рукой увесистый «лифчик» с боекомплектком. Так, залегли нормально... Тот, в машине, не дрыгается... Может, решил подпустить поближе, чтоб наверняка... Ладно, некогда просекать, бензобак у него рвануть может, вот что... И у «

крокодилов» горячка уже на исходе.

— Киряшин, Садыков, со мной! Второй, ответь первому! — прижал он к щеке черный отрокот микрофона, — Осмотри дорогу сзади триста метров! Пошли, что ли... — это уже вполголоса, себе самому.

* * *

Джамал не сразу увидел вертолеты — сначала все небо заполнил давящий гулкий рокот. Казалось, они летят со всех сторон, прессуя воздух и прижимая его к земле своим дробным тяжелым гулом. Когда, наконец, они вынырнули из-за хребта, Джамал нервно заколотил по кабине, показывая на небо: стой, остановись!!! Но дукащик словно отключился — судорожно задергал головой, глядя безумными глазами вперед, на плоские крыши и темные тополя дальнего кишлака: там — спасение... И когда дорожная пыль взметнулась перед капотом фонтанчиками разрывов, он только крепче стиснул руль вмиг вспотевшими ладонями и намертво вдавил в пол педаль газа.

Захлебываясь слезами, Джамал все колотил и колотил по кабине, пытаясь остановить обезумевшего от страха дукащика — так в отчаянной борьбе за жизнь пытается выбить запертую дверь человек в горящем доме. И лишь когда вертолеты приблизились так, что сквозь поблескивающие блистеры стали различимы зеленые яйца пилотских шлемов и потянулись к машине пушистые шнуры ракетного дыма, неведомая сила перебрисла Джамала через борт «Тойоты». Налетевшая земля ударила, завертелась перед глазами. Могучий древний инстинкт самосохранения словно вернул его в материнское чрево, заставил сжаться в комочек, замедлить, затаиться.

Словно десятки кнутов оглушительно хлестнули по земле, заухало эхо, пошло скакать меж серых скал. Лежать, лежать, затаиться — пока не улетят вертолеты, пока не стихнет леденящий душу рокот... Голоса командос были слышны далеко впереди — наверное, у подбитой «Тойоты». О Аллаха, всесильный и всемогущий, сделай меня маленьким-маленьким, незаметным, как мышенок... Но тут послышался быстрый топот и резкий молодой голос, от которого захотелось еще сильнее вжаться в землю:

— А ну, подъем, душара! Даст ба бала²⁸, чмо! — и Джамал полетел кубарем от увесистого пинка «кимровской» кроссовкой.

От боли в кочпике перехватило дыхание, но Джамал вскочил, вскинул руки и — всхлипнул, затравленно

улыбнувшись. Над ним коричневой скалой возвышался здоровенный узкоглазый парень в маскировочных сетчатых штанах, кроссовках и «лифчике» на голом торсе, словно пузырящемся от бронзовых мышц. Это был сержант Рымбаев, которого все звали (конечно же!) Рэмбо. Неделию назад Джамал перерыл весь дукаш, пока отыскал для него самые большие гонконговские джинсы, а тот подарил ему самодельную ручку из блестящей пулеметной гильзы.

— Ты чего здесь делаешь, чипиндос? — узнал его казах, — С духами связался, что ли?

— Душман нист! Мо dust!²⁹

— Ага, «Гитлер капут» еще скажи. Топаи вперед, «дуст»... — сержант быстро провел широченными ладонями по бокам Джамала и подтолкнул его в сторону чадающей машины, которую осматривали трое десантников.

* * *

НУРСы³⁰ разворотили двигатель, но кабину почти не повредили — лишь мелкими кристалликами рассыпалось лобовое стекло, да зияла рваными дырами правая дверца. Из дыр тихо сыпался белый порошок, оставляя пыльные дорожки на бледно-голубой эмали.

Водитель запрокинул голову в грязноватой чалме на спинку сиденья и, безучастно глядя перед собой, беззвучно шевелил посиневшими губами. Под разодранной на животе рубахой темнел ровный, словно проведенный скальпелем разрез, в котором мелко подрагивали сизые внутренности.

— Махнамов, санинструктора ко мне! — в микрофон рации, — Садыков, вытаскивай его, оттащи подальше! Киряшин, посмотри двери!

Подскочивший сержант грохнул прикладом по внутренней панели, та легко отскочила, обнажив тайник: пистолет, коробки с электродетонаторами и стеклянными ампулами химических взрывателей, плотно уложенные полиэтиленовые пакеты с белым порошком.

— Товарищ лейтенант, это что? — Киряшин, лопух, уже порошок этот нюхает и даже лизнуть норовит.

— Куда в пасть тянешь! — рявкнул лейтенант, — Хрен его знает, чего там — грузи все в зрдэ³¹, дома посмотри... Да с детонаторами осторожней, смотри.

— Товарищ лейтенант, знакомого привел! — Рымбаев довольно улыбался, придерживая за шиворот Джамала. Мальчишка посерел от страха и стискивал свои плечи, словно от холода.

— Джамал?! — вытаращил глаза лейтенант, — Ну ты

ВАДИМ ФИЛИППОВ СУРРОГАТ

— В от так! — Молодой парень лет 25 удовлетворенно распрямился в кресле, потянулся с хрустом и, склонив голову к плечу, с улыбкой стал разглядывать итог своей работы.

Штерней, так его звали, три с лишним часа убил на эту штуковину. Ну, что «убил» считал бортовой комп, сам Штерней был другого мнения. Бортовой комп «ЗайБи» отличался своей консервативностью и ... да зануда он был, в общем.

Скользнув «глазками» на манипуляторе по улыбающемуся лицу Штерни, Зайнуда (это его Штерней так прозвал) возрился вместе с хозяином на выпавшего из синтезатора резинового синего слоника.

— Ты уверен, командир, что ЭТО так важно для покорения космоса? — комп опять уставился на хозяина

— Угу. — Парень отодвинул рукой «глазки» компьютера и, подперев рукой голову, снова погрузился в созерцанье «творения своего гения»

— Ты не думаешь, Зайнудушка, что чего не хватает?

— Мозгов у тебя, командир, не хватает. Вместо того, что бы...

— Понятно. Можешь не продолжать.

«ЗайБи» обиженно замолк. Через минуту парень почесал свою белобрысую голову, тронул клавиши синтезатора и на выходной лоток рядом с первым слоником выпал второй, но более потрепанный и местами покусанный.

— Все! Приплыли! — Зайнуда ощутил «вздыхнул» в динамиках и раздраженно отключился.

— Эй! Не хами! — Штерней постучал костяшками пальцев по динамиками компа. — Ты мое задание выполнил?

Компьютер нехотя включился и молча вышвырнул на пол из печатающего устройства 5 листиков бумаги. Штерней подобрал листки, просмотрел, поморщился и произнес сухо:

— А я ведь просил имитацию тетради конца 20 века.

На пол шлепнулась коричневая тетрадь в 40 линованных страниц.

— Старую! Зайнуда, ты меня бесишь! Ста-ру-ю!

Рядом упала такая же тетрадь, но порядком обшарпанная. А комп завопил:

— Вот зачем тебе это, командир?! Ты на корабле

родился! Ты летишь к звездам, блин! Не для того в тебя Земля вгрохала миллионы, что бы ты сидел и синтезировал свое прошлое. Твое прошлое — это корабль, я и обучающие роботы! Все! Ни мамы у тебя нет, ни папы, ни игрушек не было. Космос, корабль и цель! Что тебе еще надо в жизни, пробирочный ты мой? Сидишь и синтезируешь себе игрушки, мамин дневник вот захотел. Может еще семейный фотоальбом потребуешь. Так я миглом монтирую, только полетели дальше, — заголосил робот, — сил нет висеть в пространстве месяц бездеятельно!!! Я уже всю округу отсканировал, описал, внес в документы! Я скоро ржаветь начну от скуки! — компьютер еще помахал манипуляторами в воздухе и замолк, видимо надолго теперь.

Штерней выслушал бортовой компьютер с улыбкой.

— А насчет фотоальбома... Спасибо... Берись-на за дело.

— О, мама миа! — Простонал «ЗайБи» и отключился.

А парень, выросший на корабле и видевший людей только в видеоархивах компа, раскрыл старую тетрадь:

«1 декабря 1992 г. 15 августа родился мой мальчик. Накануне, в час ночи, я поняла, что пора спешить в больницу. Леша был на дежурстве. Пришлось шагать в темноте до милиции, там мне отыскали на маршруте Лешку и он доставил меня в роддом. А потом начались муки. Странное состояние. Кричала низким голосом, боялась родить не на столе. Санитарки, сестры ругались — не любят крикливых. Соседка по предродовой уже родила сына. Я впервые слышала крик новорожденного в первые минуты жизни — даже расчувствовалась до слез...»

Штерней пролистнул несколько страниц:

«Штерней 2 года 1 мес. Речевые достижения по прежнему маленькие — говорит сознательно и чисто «дядя», «тетя», «папа» и др. «Ва-ва-ва» — просит еду, хлеб, «Би-би» — хочет на улицу гулять...»

Еще пролистнуто несколько страниц:

«Штерней 4 года 6 мес. Мальчик мой за едой часто мечтательно ковыряет ложкой, держит во рту по две минуты, не жуя. Вертит головой, болтает — в общем, делает все, что угодно, только не то, что нужно. Вот горюшко. Часто срываюсь, злость, дергая нервы себе и сынишке...»

ОКСАНА ШЕРБИНА

Свет свечей не вечен.
Вечер светел.
С веток — гроздья соцветий свешиваются.
Сноп созвездий
Смотрит вниз с небес.
Сладко спится.
С вечера связан ветер:
Нечего связки рвать,
Голосить сиплым голосом, северным,
С самых сумерек.
По утру — в свете,
В солнечном рассвете,
Мучаясь, смеясь,
Проснуться просветленной:
«Здравствуй! Сколько зим...»
Удивительно!

Темная гладь воды.
Нежно ласкает берег
Тихим набегом волна.

Спят, отражены, звёзды.
Сумеречен напев рек.
Не шолохнут челна.

Гибким сверкнув хвостом
Сказочные русалки.
Лес утонул в тишине,

Сладким объят полусном.
Всюду цветут фиалки.
Сон не идет ко мне.

СВЕТЛАНА ВЕРХОЛАНЦЕВА

ПОСВЯЩЕНИЕ ПУШКИНУ

Целый день стучит машинка
И несчастный рифмоплет.
В сотый раз в себе отчаясь,
Музу Пушкина зовет.

А иной поэт маститый,
Что известен много лет,
Говорит в признании чистом:
«Что я? Пушкин — вот поэт!»

Пушкин, Пушкин... Верно где-то,
Вне пространства и вне веков,
Тень Великого Поэта
Бродит средь людских умов.

Ходит, грустно усмехаясь,
Средь детей своих эпох:
Стихотворцев, дилетантов
И, по-своему, творцов.

Сколько их за эти годы
Обращается к нему?!

Вот бы знать, что Пушкин скажет,
Видя эту кутерьму?

«Тот жену мою ругает,
Тот хвалу мне воздаёт,
Ну, а тот (и так бывает)
Строить новый мир зовет.

Моего не спросят мненья,
Хоть кричи, хоть не кричи!
За меня, убрав сомненья,
Все решают рифмачи.

Вот и эта пишет тоже...
Впрочем, время вам судья.
Ну, а так... Спасибо все же
За внимание, друзья!

За ночные ваши слезы,
За наивный лепет сей...
Пусть ваш путь усыпят розы,
Путь вы будете добрей!»

1999

даешь, блин... Ладно, разберемся. Всех на борт! Воздух,
я — Земля. Мы закончили, уходим. Потом еще раз по ней
долбаните, добро?... Да, есть результат... — что бы там
не говорили, а для летчика главное — знать, что не мир-
ного накрыл.

Дальше — все как положено: трофеи — в штаб (оказа-
лось, целых полчаса был миллионером: привезли аж во-
семь килограммов чистого героина), раненого духа —
доктору (заштопали, обещают вытащить), пацана — на
допрос. Рядом был и Арслан, обсуждавший с начальни-
ком разведки свои вопросы. Джамал не был похож на
себя: отчаянно разревелся и все толковал, что дядя Ис-
кандер не душман, а «дуст», вез его в Кабул устроить на
работу к брату.

И даже когда потерявший терпение Арслан заорал,
что такие, как этот «дядя», сожгли на прошлой неделе
школу в соседнем кишлаке и застрелили учителя, Джа-
мал упрямо твердил: дядя Искандер не душман, он ду-
канщик, Джамал сегодня ночью помогал ему рекламу

вешать...

— Какую еще рекламу? Где? Почему ночью?
— Ну, торопились потому что... — Всклипывая, маль-
чишка рассказал про вчерашний вечер.

Офицеры переглянулись.
— Ты понял? — в упор глянул на Арслана начальник
разведки, — В развалинах, на выезде из города, на вос-
точной дороге — это ж на маршруте колонны! Быстро со
своими связывайся, я летунам позвоню — может,
успеем...

Старый Абдулла прижал стриженую голову Джамала
к пропахшей старческим потом впалой груди. Он что-то
тихо шептал, а Джамал слышал только неровный, с пе-
ребоями стук сердца. Ничего, дедушка, проживем...
Пусть не в Кабуле, главное — жив остался и на свободе.
И с Сашей расстались хорошо, он только попросил пере-
дать деду, чтобы тот надрал ему уши. Только вот что-то
такое непонятное он еще добавил, грустно усмехнув-
шись, словно самому себе: «Ничего личного»...

¹ Дувал — глинобитная стена.² Дашака — ДШК — крупнокалиберный пулемёт Дег-
тярёва-Шпагина.³ Бур — английская винтовка.⁴ Афганцы делают это сидя на корточках, либо стоя на коле-
нях. А теперь представьте, что это делает так европеец —
не бросается в глаза?⁵ Шурви — советские (фарси)⁶ Иди сюда, мальчик (фарси, узб.)⁷ Здравствуй, как дела? (фарси)⁸ Солдаты (фарси)⁹ Как здоровье? (фарси)¹⁰ Нормально, микробов нет (фарси)¹¹ Подарок (фарси)¹² Спасибо (фарси)¹³ Летнее обмундирование (разг.)¹⁴ ХАД — министерство госбезопасности ДРА.¹⁵ Подарили (жарг)¹⁶ Сиси — лимонад¹⁷ Реактивные снаряды¹⁸ Кустарщина¹⁹ Кости²⁰ Сделано в Китае (нит.)²¹ Наркотик²² Кувшин²³ Ми-8, транспортные вертолеты²⁴ Ми-24, вертолеты огневой поддержки²⁵ Вы свободны, можете ехать (фарси)²⁶ Правый пилот, летчик-штурман²⁷ Степные колодцы²⁸ Руни вверх²⁹ Друг³⁰ Неуправляемые ракетные снаряды³¹ Рюкзак десантника

СОЧИНЕНИЕ

У Димы Тютина был знакомый домовый. Домовой
как домовый — Димин ровесник, только Дима учил-
ся в третьем классе, а домовый в школе не учился.

Пошел как-то раз Дима рано утром выбрасывать мус-
ор, вдруг слышит — в мусорном баке кто-то скребется,

пыхтит и пытается крышку бака изнутри открыть. Дима
крышку открыл, а оттуда вылезает мальчишка — мале-
нький, как хомяк и грязный, как микроб.

— Ты кто? — удивился Дима.

— Кто-кто! — сердито отвечает мальчишка, — Дед

Пихто! Лёшка меня зовут...

— Ты что, живешь здесь?

— Ещё чего! — возмутился мальчишка, — Я в подвале живу, у меня там квартира! Сюда я так заглянул, по делу. А какой-то дурак на меня сверху целую кучу мусора ка-а-ак вывалил! Да ещё крышку закрыл!

— И долго ты так просидел?

— Да почти всю ночь! Теперь в таком виде хоть домой не показывайся, от мамки попадет, — засопел Лёшка носом.

Посадила его Дима в карман, отнес домой, вымыл его под краном, одежду его выстирал и утюгом высушил. А потом отнес Лёшку домой, к подвалу. Так они и подружились.

Лёшка часто приходил к Диме в гости, чинил его сломанные игрушки, играл с Димой в шахматы и шашки, натался на игрушечной железной дороге и купался в аквариуме. А Дима рассказывал ему о школе, научил читать и писать, и обещал, что когда вырастет и станет капитаном дальнего плавания или летчиком, будет всегда брать Лёшку с собой и покажет ему весь мир.

Как-то раз, в самом начале учебного года, Дима прибежал после уроков домой, быстро переоделся и убежал играть в футбол. И гонял мяч до самого вечера, пока не стемнело. А когда ребята разошлись по домам, то вспомнил, что за уроки он еще не садился, а к завтрашнему дню надо было написать сочинение «Как я провел лето». Сел Дима на лавочку и загрустил. Какие уроки, когда уже глаза слипаются? Вдруг видит — вылезает Лёшка из подвала.

— Привет, Дима! — говорит домовенок, — Чего такой грустный?

— Плохи мои дела, Лёша, — вздыхает Дима, — Кажется, придется мне завтра первую двойку получать, — и все ему рассказал.

— Понятно, — говорит Лёшка, — Ладно, выручу я тебя. Тащи сюда свою тетрадку, я напишу, а утром заберешь.

— А ты сумеешь? — обрадовался Дима.

— А чего там уметь, дело нехитрое.

— Хорошо! — говорит Дима, а сам думает: ладно, пусть напишет хоть что-нибудь, лишь бы двойку не поставили.

Принес он Лёшке свою тетрадку и сушку с маком, Лёшка их очень любил.

— Только постарайся покрупнее писать, — попросил он Лёшку, — А то учительница без микроскопа не прочтает.

— Не бойся, все нормально будет, — успокоил его

Лёшка, — Завтра сюда же приходи.

Утром забрал Дима тетрадку, сказал Лёшке «спасибо» и в школу побежал. Бежит и думает: надо бы хоть посмотреть, что там Лёшка написал — вдруг ошибок наляпал? Но проверить он так и не успел — только урок начался, как учительница Наталья Константиновна спрашивает у ребят:

— Сочинение все написали?

— Все! — отвечают ребята хором.

— Вот и молодцы. Сдавайте тетрадки, сейчас мы и послушаем, как вы лето провели.

Собрала она тетрадки у ребят, взяла первую, а это и была тетрадь Димы. Раскрыла и начала читать вслух:

« Это лето я провел весело и интересно. Ещё весной я раздобыл классный роликовый ботинок. А тот пацан, который потом этот ботинок долго искал, сам виноват — нечего оставлять свои ролики где попало...» — Учительница перестала читать и очень внимательно посмотрела на Диму. Дима начал быстро розоветь.

— ... Этот ботинок я разобрал, — продолжила читать Наталья Константиновна, — Колеса оставил себе, а сам ботинок подарил на день рождения другу Вовке. Он так обрадовался!

— Какой еще ботинок ты мне подарил?! — возмутился Вовка Зюкин, сосед Димы по парте, — Ты мне ремень подарил, ковбойский — забыл, что ли?

— ... Вовка верх от ботинка отпилит, низ кое-где заклеил, и получилась классная лодка, мы потом в ней в пруду плавали... — растерянно прочтала учительница, — Дима, ты не заболел? — обеспокоенно спросила она.

Уши у Димы уже полыхали, как помидорные ломтики. Он то вскидывал на учительницу несчастные глаза, то низко опускал голову, что-то рассматривая у себя под партой. Класс притих. И в полной тишине звучала странная история:

— ... А колеса от ботинка мне для дела нужны были. У меня в подвале давно одна машина стоит. Хорошая машина, типа джипа. Только колеса плохие, пластмассовые. Когда на ней едешь — трясет сильно. А эти колеса — самое то, резиновые. И вот я эти колеса на машину поставил и гонял на ней! Правда, батарейки быстро садятся, их в Китае, наверное, делают, батарейки эти. Но ничего, мне батарейки друг Женька таскает, он живет на рынке, в магазине со всякой электроникой, там этих батареек навалом.

Когда я эту машину нашел, я её к себе в подвал загнал. Потом слышу: кто-то бежит и всех спрашивает насчет желтой машины — мол, никто не видел? Ну, я так

подумал: еще увидит мою машину и подумает, что это его. Ну, я её на всякий случай синим фломастером перекрасил, чтобы тот пацан не огорчился, если вдруг увидит... — Димка! — завопил с «Камчатки» Генка Петухов, — Так это ты мою машину стырил, что ли?! Я ж её обыскался, весь двор облазил! Во ты даешь!

— Да нет же! — бедный Димка чуть не плакал, — Это... — и прикусил язык. А что сказать? Что не он писал? А кто тогда?

— Дима, дальше читать? — осторожно спросила учительница.

— Да!!! — хором завопил класс. Таких сочинений они еще не слышали.

Учительница покачала головой, еще раз глянула на каменно замолчавшего Диму и продолжила чтение:

«... И вот мы с Вовкой и Женькой один раз ночью сели в эту машину, прицепили сзади эту лодку из ботинка и поехали на пруд — там у одной знакомой русалки был день рождения и она нас пригласила...»

— Во дает, — выдохнул Генка. На него зашикали.

«... Ну что. Приехали, повеселились. Потом я Галку и Маринку (это русалки, значит) повез в машине вокруг пруда катать, а Вовка с Женькой решили лодку свою испытать. Спихнули лодку в воду, сели, поплыли. Сначала все нормально было, а потом они веслом лягушку заделали нечаянно. И вот эта лягушка лапами как бултыхнет! И лодку перевернула. Вовка с Женькой как заорут! Плавать-то они не умеют, моряки с дырявого корыта. Ну, их Маринкина мама быстро вытащила, а потом еще и шлепнула по разу, чтоб не лезли куда не надо.

Ну, потом еще много чего интересного было, только мне писать уже надоело, я так думаю, с тебя и этого хватит».

— Дима... — пролепетала Наталья Константиновна, — Это ты мне такое пишешь?! Своей учительнице?!

— Во круто! — восхищенно вздохнули на «камчатке».

А Дима от стыда стал уже не просто красный, а какой-то фиолетовый. Он что-то пробормотал, выбрался из-за парты и кинулся вон из класса. Класс загудел, как улей. Наталья Константиновна не знала, что и сказать и безуспешно пыталась успокоить ребят. А в самом конце урока дверь класса приоткрылась, и в класс вошел маленький мальчишка. Он спокойно прошел к

учительскому столу и спросил:

— Это Вы Димкина учительница?

— Я... — растерянно ответила Наталья Константиновна. — А ты кто?

— А я — Лёшка. Домовой. Я Димкин друг. Вы ему за сочинение двойку поставили, да?

— Да ничего я еще не поставила!

— А чего он тогда такой прибежал, будто за ним стадо слонов гонится? — строго спросил мальчишка, — Сидит и ревет! И со мной разговаривать не хочет. Разве можно так человека доводить?

— Вот что, — взяла себя в руки учительница, — Иди-ка, ты, дружок, вот сюда, а то у моих учеников скоро шеи, как у жирафов вытянутся, — и она поставила его на свой стол, — Так, а теперь расскажи все по порядку, может быть, мы что-нибудь и поймем.

— А что рассказывать? Ну, помог я Димке маленькое сочинение написать, жалко, что ли? А если Вам оно не понравилось, так ставьте двойку мне, а он потом сам напишет.

— Значит, тебе двойку поставить? А куда? Дневник у тебя есть? Ты вообще где учишься?

— Вообще-то нигде, — немного смутился Лёшка, — Меня Дима учит.

— И как мне быть?

— Ну, если без дневника никак нельзя... Ладно, берите меня к себе в класс, давайте дневник и сразу двойку в нем рисуйте, — решительно проговорил мальчишка.

— Ну, конечно, «берите к себе в класс»! Мало мне своих хулиганов, так еще и домовые появятся. У меня тогда вообще не класс будет, а обезьянник.

Ребята дружно завопили, что обезьянника не будет, а наоборот, будет самый примерный и дисциплинированный класс, прямо гордость школы. И Лёшка будет не хулиган, а самый что ни на есть отличник, они ему все помогут. Наталья Константиновна повздыхала-повздыхала и согласилась.

И теперь Лёшка ходит в школу вместе с Димой (точнее, ездит в его портфеле), сидит с ним за одной партой (точнее, на его парте, за маленьким столиком) и учится не хуже других ребят. Правда, его тетрадки учительнице приходится проверять с лупой. Зато он мастер золотые руки, и умеет быстро все починить — хоть выключатель, хоть микроскоп, и Наталья Константиновна им не нахвалится. Вот так!